В зоне тумана

Автор:
Алексей Гравицкий

В зоне тумана

Алексей Андреевич Гравицкий

Угрюмый – удачливый сталкер со стажем, однако окружающие не принимают его всерьез.

Он не лезет на рожон, сбывает посредственный артефакты по посредственной цене, не вступает в конфликты, не одалживает и не берет в долг.

Единственный приятель Угрюмого – веселый и жизнерадостный сталкер, сумасброд и балагур Мунлайт.

И эта странная парочка соглашается взять заказ странного паренька, предлагающего любые деньги тем, кто согласится провести его в сердце Зоны – к Монолиту… Угрюмый не верит, что Монолит существует.

Мунлайту вообще все равно, в каком месте Зоны рисковать своей шкурой. Но деньги есть деньги, а заказ есть заказ – и они отправляются к овеянному жуткими и неправдоподобными легендами четвертому энергоблоку…

Алексей Гравицкий

В зоне тумана

Пролог

По счастью, он в меня не попал. Сначала был выстрел, потом звякнуло совсем рядом. Противный такой звук, как будто шкрябнули металлом о металл. На самом деле так оно и было, но подумать об этом я уже не успел. Пуля отрикошетила от огромной металлической трубы, за которой я присел перевести дыхание. Ухо дернуло болью, по шее потекло что-то влажное и горячее. Я тихо чертыхнулся и пополз в сторону. Надо было срочно менять место дислокации. Зона – не детский сад. В прятки тут играть можно, но только перепрятываться надо постоянно. А то рискуешь нарваться на того, который водит, и…

Я замер, собираясь с силами и настраивая себя на рывок. Мысленно сосчитал до трех и метнулся к бетонным блокам, грудой наваленным в десяти метрах от трубы. Застрекотал АК. Сзади бурунчиками взвилась земля, зачмокало, полетела бетонная крошка. Но я был уже в безопасности. Относительной безопасности.

– Эй, ушлёпок, – позвал хриплый голос. – Ты еще живой?

За время нашей игры в прятки с догонялками он задавал мне этот вопрос в третий раз. И, судя по интервалам от одного «Эй, ушлёпок» до другого, голос мой противник подавал, пока перезаряжал «калаш».

Я не стал говорить. Зачем лишние слова? Резко распрямившись, я выкинул вперед руку с БП и нажал на спуск. За моим укрытием распростерлось небольшое открытое пространство. По ту сторону пятачка торчали искореженные деревья. Змеились от ангара к туннелю рельсы, на которых стояла пара заброшенных неизвестно кем неизвестно когда железнодорожных вагонов. За одним из них и притаился мой стрелючий друг.

Руку привычно дернуло отдачей. Первая пуля пошла наудачу, второй и третий раз стрелял, уже точно зная, где находится мой противник. Попасть в него было нереально при всем желании, разве что таким же дурным рикошетом, каким мне порвало ухо. Впрочем, на дурные рикошеты никто и не рассчитывал. Добивался я другого – и добился.

Противник выматерился и скрылся за вагоном. Я дернулся вдоль блоков, но на полдороге резко остановил движение и на пределе возможностей рванул

обратно за трубу. Молясь, только чтобы он не успел меня увидеть, кинулся на землю, перекатился и посмотрел назад.

Застрекотали выстрелы. От блоков посыпалась бетонная крошка. Либо мой разозлившийся приятель не заметил маневра, либо решил подыграть. Так или иначе, валяться за трубой в данной ситуации не лучшее занятие. И я пополз вдоль трубы, изображая собой пластуна.

У дальнего края трубы пришлось остановиться. Перевернувшись на спину, я запустил пятерню в карман. Пальцы нащупали патроны. Остатки былой роскоши. Я не отсчитывал, отмахнул горсточку навскидку и потянул на себя. Это поначалу стрелять трудно, заряжать трудно, чистить оружие трудно. Собрать и разобрать вообще непостижимая наука. Поначалу. Человеку поначалу все трудно, но со временем любой навык доводится до автоматизма. Мозг фиксирует схему и ставит ее выполнение на автопилот. Мозгу абсолютно все равно, что доводить до автоматизма. С одинаковым равнодушием он ставит на автомат мытье посуды, вождение машины, глажку рубашки или убийство людей.

Я не считал патроны. Просто рука на автомате вытащила восемь штук, а пальцы на автомате запихали их в обойму.

Стрельба по ту сторону прекратилась. Теперь был слышен только дождь. Серый, тоскливый, моросящий. Он шлепал по зоне своими тоненькими кислотными лапками уже несколько часов, из-за чего я лежал сейчас в раскисшей грязи. Несмотря на конец августа, погодка в последние дни установилась осенняя. Ладно, лирика это все.

Дальше от трубы можно было махнуть до забора, окольцовывающего со всех сторон ангар, а потом ломануться бегом прочь от места перестрелки. А можно было тихонько переместиться по кустам ближе к любителю справляться о моем здоровье и пристрелить его по-родственному. При условии, что соперник один, далеко и в неведении, первый вариант был бы выигрышным, если б не одно «но». Он был бы выигрышным в любом другом месте. Только в зоне не бегают. Лучше сразу застрелиться. Это быстрее и безболезненнее.

Очень осторожно я высунулся из-за трубы. От этого ее края место расположения моего противника, если он его, конечно, не сменил, видно не было. Меня это вполне устраивало. Стараясь двигаться бесшумно, я потрусил за кусты. Присел,

вглядываясь сквозь ветки. Никакого шевеления. Не то мой соперник меня переигрывает, не то ждет, когда я высунусь из-за бетонных блоков. А может, решил, что я труп, и ушел? Не-ет, надо быть законченным идиотом, чтобы оставлять у себя за спиной недобитого противника. А зона таких не прощает. Потому законченных идиотов здесь не водится.

Следующей точкой было древнее дерево с непомерно широким стволом. Именно из-за него совсем недавно я положил сотоварищей моего хрипатого друга. Их было двое, они гнали меня, как возбужденные фокстерьеры замерзшего и голодного лиса. Довольные собой глупые фокстерьеры. А лис притаился, подождал и напал первым. Одной гранаты на двоих оказалось достаточно, чтобы уложить обоих. Хрипатый оказался самым умным из этой гоп-компании. Сразу вперед не сунулся и теперь предпочитал сидеть и ждать, пока жертва высунется. То есть пока я высунусь. Нуда я тоже не дурак.

Взвешивая каждое движение, я выдвинулся вперед. Застыл, уже имея возможность оценить происходящее вокруг, но все еще сливаясь с кустами. Хрипатого в зоне видимости не было, и я одним плавным, но быстрым движением отделился от кустов и перетек под сень дерева. Повернулся, прижавшись спиной к стволу, и замер.

Прислушался. Тишина. Только шуршит тошнотворный дождь и далеко перекатывается игривый лай, с каким слепые псы гоняют друг за другом со склона одного холма на склон другого.

Затаив дыхание, я сполз спиной по стволу, опустился на корточки и вскинул пистолет.

Где он? Не мог же в самом деле уйти. Допустим, он бросил бы своих корешей-покойников. Нормальная ситуация, с трупами в зоне не церемонятся. Хотя карманы им выпотрошить тоже в порядке вещей. Но бросить меня с моим хабаром, на который эти трое изначально и нацелились… Нет, как говорил какой-то известный мужик: «Не верю!» Значит, Хрипатый притаился за вагоном и ждет. А может, и не ждет, а давно уже обошел нашу полянку по широкой дуге и приближается ко мне со спины.

Я вздрогнул и мысленно выругался. Еще вот только паранойи не хватало для полного счастья. Спокойно. Не мог он меня обойти. Тогда где он? Ну, не сидит

же до сих пор за вагоном? Или сидит?

Слух напрягся до звона в ушах. Тишина. Только дождь и совсем далеко ускакавшие слепые собаки. А может, мой противник тоже подобрался ближе? Сидит сейчас за этим же деревом, только с другой стороны.

От этой мысли стало и вовсе не по себе. Так близко смерть подпускать нельзя. А он… Стоп! Даже если он сидит за деревом или за фургоном, не важно. Он ведь не железный. Он ведь тоже человек. Значит, в его башке тоже крутятся мысли. Он так же вслушивается в дождь и думает, куда я подевался. И у него тоже сдают нервы. Вопрос только в том, у кого они сдадут раньше.

Я глубоко вдохнул, сосчитал до трех и медленно выдохнул. Ждать и слушать. Главное – не прозевать момент.

Сколько я так просидел под деревом, не знаю. Может, минуту, может, десять, может, час. По ощущениям, так прошла вечность. Причем прошла она в мучениях. Ничего не происходило. Только смолкли вдали собаки да чуть сильнее зашептал дождь. Я уже был готов выскочить из-за дерева и расстрелять всю обойму в белый свет, когда за деревом что-то тихо шелохнулось. Словно палые листья тихонько поддали ногой.

В ушах снова зазвенело от напряжения. На секунду показалось, что ослышался, но нет. Ближе и громче хрустнула придавленная ботинком ветка. Я до боли вжался спиной в дерево.

Через мгновение правее, в нескольких шагах от меня, появился ствол автомата. Замер, словно принюхиваясь, а потом показался и сам стрелок. Он не видел меня. Он высматривал меня совсем в другом месте. Он ждал, что я выскочу из-за бетонных блоков и начну стрелять по вагону. Он крался, чтобы застать меня врасплох.

Я не окликнул. Зачем лишние слова? Рука беззвучно подняла БП. Палец беззвучно нажал на спуск. Выстрел тоже был почти неслышным. Бэпэшка – дивная вещица. Этот пистолет разработали в шестидесятых годах прошлого века. На вооружение поставили, кажется, в 67-м. Причем работали с этим оружием военные разведгруппы и гэбэшники. А все дело в глушителе. Он у БП состоит из двух частей, благодаря чему насадок легко снимается и мгновенно

ставится обратно. Тихое оружие. А здесь лишний шум никому не нужен.

Пуля вошла в затылок. Хрипатый неуклюже кувыркнулся вперед, клюкнулся носом в землю и застыл. Стало совсем тихо. Только дождь продолжал сыпать мелкой моросью.

Я опустил пистолет, достал ПДА и нажал кнопку запуска. Вокруг не было ни единой живой души. От чего сделалось не по себе больше, чем когда дожидался за деревом Хрипатого. Тогда рядом со мной был человек, который хотел убить меня. Но он хотя бы был живой. А теперь я был один наедине с зоной. Кто-то говорит, к этому можно привыкнуть. Врут. Я здесь шесть лет и до сих пор не привык. А те, кто кричал, что привыкли, уже не топчут зону.

Хрустнуло застывшее колено. Отсидел. Сунув пистолет за пояс, я подошел к Хрипатому и быстро обшарил его карманы. Ничего особенного. Патроны, бинт, нож и наполовину опустошенная мягкая пачка крепкой «Явы». И «капли». Довольно распространенный артефакт. Хотя на халяву, говорят, и уксус пьется.

Я снял с пояса контейнер, поставил перед собой. Сухо щелкнули запоры. «Капли» легли в последнюю свободную ячейку. Неплохо прошелся. Живой и с серьезным уловом. Пристегнув контейнер обратно, я подхватил АК. Хрипатому он, один пень, уже не понадобится. А вот нож, бинт и сигареты остались покойному хозяину. Не мародер же я, в самом деле. И трупы его подельников обыскивать тоже не стал. Достаточно было одного взгляда. Моя граната легла удачно. Настолько удачно, что ковыряться в том месиве, которое она устроила, мне совсем не хотелось. Я не чистоплюй, но противно. Да и необходимости нет.

На одно плечо легли лямки брошенного, пока улепетывал от преследователей, рюкзака. Второе – перетянул ремень трофейного АК. Н-да, топать будет тяжеловато.

На экране ПДА по-прежнему царил покой. Ни единой живой души. Я снова вслушался. Зона молчала, словно притаившись до поры. Только шуршал противный тягомотный дождь. Чертова морось. Эта уж если зарядила, то как пить дать на пару суток.

По спине побежали мурашки. Капли дождя противно скатывались за шиворот. Я поднял капюшон, слетевший во время перестрелки, зябко повел плечами и

пошел прочь. Очень хотелось бежать отсюда без оглядки. Но в зоне не бегают. В противном случае лучше было дать себя застрелить. Хрипатый, хоть и сволочь распоследняя, порешил бы быстрее и гуманнее, чем зона.

Часть первая

Хлюпик

1

По традиции, оружие я оставил сверху. И теперь, топая вниз по лестнице, чувствовал себя голым. Утешало только то, что другие посетители в таком же положении.

Гул было слышно еще на верхнем пролете. В «Ста рентгенах» всегда гудит наслоение десятков что-то бормочущих голосов. Это такая же неотъемлемая часть местного колорита, как закрученная лестница и вечно недовольный охранник на входе. Здесь может быть шумно, а может быть тихо. Но галдеж в этих стенах в любое время суток. Что в общем-то немудрено. Бар в зоне – вещь не сказать, что заурядная. «Сто рентген» – конечно, не единственное заведение в своем роде, но если кому-то показалось, что кабаки здесь натыканы, как в Москве на Тверской, спешу расстроить. Ничего подобного. Хотя сравнение так себе. Москалей вроде меня тут не так много. А отдельные товарищи могут и в рыло дать за подобные параллели.

Вообще получить тут по соплям – плевое дело. Открываешь рот, говоришь «добрый день», и этого уже бывает достаточно. А дальше как в том анекдоте: так слово за слово получил ежик по морде. Я предпочитаю молчать.

Впрочем, бармену сказать «добрый день» – это святое. Я свернул в сторону от лестницы, метнулся мимо злобного охранника. У этого хмыря явно комплексы. Эдакий маленький человечек, получивший некое подобие власти и упивающийся этим подарком судьбы. Не припомню случая, чтобы он не поторопил

проходящего мимо или не рявкнул на замешкавшегося в дверях посетителя. Удовольствие он от этого получает, что ли?

Нет, такие в зоне долго не живут. Разве что охраняют заведение типа «Ста рентген», которое и в охране-то не нуждается.

Не особо прислушиваясь к тому, что пробурчал недовольный сидячий у входа комплекс, я прошмыгнул в зал и поспешил к стойке. Говорить мне тут не с кем, да и незачем. Я уже несколько лет стараюсь поддерживать минимум отношений с людьми, и жить от этого стало значительно легче.

Конечно, меня тут знают. Нельзя жить рядом с людьми и быть совсем уж незаметным. Но для большинства я представляю не больший интерес, чем, скажем, табурет. Почти для всех. Разумеется, есть исключения. Бармен, например.

– Добрый день, – позвал я негромко. Бармен повернулся.

– День, – бесцветно отозвался он, потом сощурился.

На лице мелькнуло узнавание, и голос приобрел более-менее живой оттенок:

– Это ты, Угрюмый? Проходи, поговорим.

Я молча нырнул за стойку. Бармен жестом позвал за собой, хотя я бывал здесь не раз и прекрасно знал, куда идти. К задней неприметной из общего зала двери. Дверь распахнулась прежде, чем мы до нее дошли. В проеме появился молодой парень с напряженным от натуги лицом. И было от чего напрячься – на вытянутых руках парнишка тащил три поставленных друг на дружку ящика с водкой.

Бармен отступил, пропуская паренька.

– Тут поставь, Сынок, – велел он парню.

Тот кивнул.

– И не таскай столько, надорвешься. Парень снова коротко кивнул в ответ.

– И постой за стойкой малость. – Голос бармена вдруг стал благодушным. – Мне с Угрюмым перетереть надо.

Сынок послушно опустил на пол ящики, отодвинув их ближе к стене с прохода, и шагнул к стойке. Бармен расплылся в гордой улыбке и даже придержал мне дверь. Короткий темный коридорчик привел к еще одной двери – помассивнее и посерьезнее. Около нее бармен остановился и принялся ковырять замок, встав так, чтобы мне не было видно, чего он там делает и нажимает. Обычная процедура.

Я уперся спиной в стену, откинул голову. Замки, скрывающие святая святых моего скупщика, мне были неинтересны. Вламываться сюда среди ночи и грабить бармена я бы не стал ни при каких обстоятельствах. Меня больше занимал его парнишка. Посмотреть на ту гордость, с какой бармен сопровождает каждое его движение, так можно подумать, что они и в самом деле близкие родственники. С другой стороны, Сынком паренька каждая собака из завсегдатаев называет. Не всем же он сын. А вот сын ли он бармену – интересно. Но он не расскажет, а я не спрошу. Не в моих привычках.

Бармен отпер дверь и посторонился, пропуская меня вперед. Я прошел в махонькую комнатку с кучей шкафов, стеллажей, двумя сейфами, письменным столом и парой замурзанных стульев. Подойдя к столу, снова замер в ожидании бармена. Тот вошел следом, закрыл дверь поплотнее и снова защелкал замками. Паранойя – страшная штука. Хотя, как говорил один мой весельчак-знакомый: если у вас паранойя, это не значит, что за вами никто не следит.

Шутник! Скабрезность старая как мир, но с подтекстом. В зоне вообще любая хохма приобретает подтекст. Странное свойство этой местности. Хотя… в морге тоже шутят странно и в милиции. Просто страшноватенькая действительность начинает диктовать свои законы, заставляет смеяться над тем, над чем нормальному человеку никогда и в голову не придет. А иначе нельзя, свихнешься.

Или станешь Угрюмым, мысленно усмехнулся я.

Бармен наконец справился с дверью, подошел к столу и встал напротив меня, уперев руки в столешницу.

– Сядь. – Мой скупщик опять стал недовольным: я был выше него, а он не любил, когда на него смотрят сверху. – Не люблю, когда ты надо мной типа возвышаешься.

Я послушно опустился на ветхий стул, если его можно было так назвать. От начальной конструкции остался только остов с обшарпанными ногами. Спинка давно и безвозвратно потерялась, а сиденье заменял криво отрезанный кусок ДСП. Скрипнуло.

– Ну, хвастайся.

Не дожидаясь повторного приглашения, я отстегнул контейнер и положил на стол. Бармен выдвинул ящик стола, достал из него перчатки из толстой кожи и принялся натягивать. Он не торопился, смаковал каждое движение. Я подавил зевок. Скупщику все игрульки, предвкушает он. А мне бы сдать хабар, хлопнуть три по сто и на боковую. Щелкнули запоры, прижимающие крышку контейнера. Бармен углубился в изучение моей добычи, сразу став похожим на здоровую жирную мышь, попавшую из студенческой общаги на свадебный стол и охреневшую от разнообразия.

Глазки скупщика блестели, как у оголодавшего, решившего сожрать все, до чего дотянется, а что не осилит, хоть понадкусывать. Я его понимал. В этот раз поход затянулся, и в контейнере на двенадцать ячеек свободных не осталось. А в двух были довольно серьезные штучки.

Крышка щелкнула, возвращаясь на место.

– Беру все по стандарту. Все, кроме «капель».

«Стандарт» для меня был не шибко грабительским, так что вполне удовлетворял запросам. А вот исключение для капель мне не понравилось. С чего бы? Я вперил мрачный взгляд в бармена. Тот зябко повел плечами, поспешил спрятать глазки.

– Не возьму. Мне тех «капель» и без твоих накапало. В пору лавку открывать. У меня в таком количестве их не возьмет никто.

Скупщик выглядел жалостливо. Но меня-то этим не проведешь. Не первый год зону топчу. И с упырем этим не первый день знаком. Он все продаст. Причем по выгодной для него цене. Если сейчас «капель» много, так ни в жисть не потащит на продажу все. Продаст столько, сколько запросят. А остальное придержит, пока надобность не появится. И снова продаст с максимальной выгодой.

Жалостливые глазки снова скосились на меня, но я взгляда не отвел.

– Не дави на психику, – взвился бармен. – Тоже мне, вий доморощенный. Контролеров своим взглядом пугай. Или бюреров. Все по стандарту. Кроме «капель». «Капли» так возьму. Взамен выпивка и закуска за счет заведения. И за комнату можешь не платить до другого раза.

Что ж, и на том спасибо.

– Ладно, я не жадный, – кивнул я бармену. – Отдохну всего недельку. За твой счет.

Полезший в сейф скупщик что-то громко уронил, чертыхнулся и полез поднимать.

– Не жадный, – проворчал он, вылезая из-под стола. – Сволочь ты.

– Все сволочи. Это ж зона, а не институт благородных девиц.

Он протянул мне пачку бумажек, которые кто-то когда-то обозвал универсальным средством обмена. Пачка была перетянута плотной резинкой траурного цвета.

– На, держи.

Я провел пальцем по ребру пачки.

– Можешь не пересчитывать. Я не обманываю, – изобразил обиду скупщик и поспешно добавил: – Своих.

2

В зал я вернулся тем же макаром. С той только разницей, что прихватил у Сынка пузырь беленькой, стакан и тарелку. Стакан под водку, а тарелку с колбасой. Разумеется, за счет бармена-«папаши».

Обстановка помаленьку накалялась. Сегодня в «Ста рентгенах» было шумно, и я поспешил занять маленький столик в дальнем углу. Столик прятался под лестницей. Это было удобно. Здесь при всем желании больше двух человек не уместится. А пить в одиночку с Угрюмым вряд ли кто-то станет.

Я поставил на столик нехитрые харчи, сбросил на пол рюкзак. Бутылка была приятно прохладной. Это радовало. Не люблю теплую водку.

Угрюмым меня назвали не просто так. Когда я попал в зону, мне было настолько паршиво, что это погоняло вполне соответствовало реалиям. Со временем стало легче, но, пообтеревшись здесь и поняв для себя кое-что, я стал тщательно поддерживать сложившийся образ.

В зоне нельзя выпячиваться. Стать героем зоны приятно и выгодно. Это тешит самолюбие, это дает уважение и подкидывает хорошую работенку, за которую платят хорошие деньги. Но есть и обратная сторона медали. Громкая слава плодит завистников. А хорошая и высокооплачиваемая работенка связана, как правило, с неоправданным риском. Так что герои у зоны каждый год новые. Одни приходят, другие уходят. Их смерть обрастает легендами. Сегодня они колотят деньги и пьют в «Ста рентгенах» или в «Шти», а назавтра и имен их никто не вспомнит. Разве что расскажут байку про загадочно пропавшего сталкера.

Сколько их было, этих героев. Я помню их всех до единого. Память у меня хорошая. Вечная память.

Я плесканул водки на два пальца, опрокинул на выдохе и быстро занюхнул колбасой, тут же сунув кругляш в рот. Прошло гладко, если не считать гадостного привкуса. От водки – сивушного, от колбасы – чесночного. Плеснув вторую порцию в стакан, я принялся за колбасу. Негоже пить на пустой желудок.

А вот про меня никогда ничего не трепали, пришло в голову, пока челюсти были заняты колбасой. И не будут. Это мое кредо – не отсвечивать. Я и не отсвечиваю. Не беру крупные заказы, вообще не беру заказы. Тихо-мирно таскаю артефакты и сдаю по дешевке бармену. Знаю, что меня обдирают, но не имею ничего против. Это плата не за наглость бармена, а за спокойную неприметную жизнь. У меня нет друзей, я их не завожу. У меня нет врагов, я их не оставляю. Принято считать, что в зоне одиночки долго не живут. Это не так. Главное – не выпячиваться и не пытаться прыгнуть выше головы. Тогда можно прожить здесь очень долго. По крайней мере пока не заработаешь на новую жизнь. Об этом мечтал каждый, кто топтал зону и у кого там, в нормальном мире, оставалось хоть что-то, к чему стоило бы вернуться. У меня там не было ничего. Что внешний мир, что концентрированно-сволочная зона – мне было до лампочки. Мне хотелось только тишины и покоя. Рутинных неглубоких походов в зону и маленьких радостей вроде бутылки водки и крепкого сна.

За глупыми мыслями я немного увлекся, и колбасы осталось меньше половины. Не будем превращать закуску в ужин, как сказал бы один мой знакомый сталкер.

Водка, как наждак, сухо процарапала горло, горячим комом прокатилась по пищеводу и, недовольно поворочавшись, устроилась в желудке. Неудачно пошло. Я поморщился и потянул руку за колбасой.

– Сколько раз я тебе говорил, Угрюмый, не делай из еды культа. Не превращай закуску в ужин.

Я чертыхнулся. Стоило только подумать, что вдвоем с Угрюмым пить станет только сумасшедший, и вот вам, пожалуйста. Сумасшедший тут как тут.

На столешницу с грохотом опустился стакан. Мунлайт, не отпуская граненых боков, смотрел на меня. На хитрой роже растянулась гнусная улыбка. Эта улыбка приросла к нему, кажется, навсегда вместе с коротко стриженной бородкой-подковкой. Во всяком случае, я не припомню, чтобы видел его хоть раз без ухмылки и скабрезных шуточек.

Он появился здесь года три назад. При среднем росте этот темноволосый балагур имел ярко выраженное пивное брюшко, и я тогда подумал, что он здесь долго не протянет. Зона не курорт. Но время шло, а он топтал зону, и довольно успешно. Помимо пивного брюшка у него обнаружились довольно крепкие руки и некислые навыки в стрельбе. Про свою прошлую жизнь он, как и все прочие, не распространялся. Только пошутил как-то, что в прошлом любил пиво, пострелять-побегать и работу с крепкими физическими нагрузками.

Мунлайт был из тех немногих, кто меня заприметил и знал. Я его тоже знал, но знакомство наше было скорее шапочным. Никаких взаимных обязательств, никаких близких отношений, никаких общих дел. Так только, треп под настроение. Причем трепался больше он. Я говорить много не люблю. Зачем?

– Ну что ты смотришь? – полюбопытствовал он. – Налей.

Я молча накатил в подставленный стакан. Он бодро поднял его, звякнул им по краю моего. Сам я пить не торопился, но это непрошеного гостя ни разу не смутило. Он снова с грохотом шваркнул стаканом по столешнице, без спросу тяпнул кусок колбасы, но есть не стал, смачно втянув чесночный запах, положил колбасу обратно.

– Пить надоело, – сообщил он, пододвигая ко мне стакан.

– Не пей, – пожал плечами я.

– Узнаю Угрюмого, – заржал Мунлайт. – Как всегда, сама деликатность. Тебе водки жалко?

Вопрос был риторическим. По крайней мере мне так показалось. И отвечать я не стал. Мунлайт демонстративно вздохнул, как будто я его две недели использовал вместо отмычки, а теперь даже узнавать не желаю. Рука его со спокойной уверенностью подхватила мой пузырь. Водка полилась в стакан непрошеного собутыльника не на два, а на все четыре пальца.

Вернув бутылку на место, он подхватил обнюханный уже колбасный кусок и принялся блаженно водить носом то над стаканом, то над закуской. Ноздри его трепетали так, будто он уловил какой-то чудесный недоступный человечеству аромат и спешит нанюхаться, пока нежданное ароматное счастье не испарилось.

– Ты решил нажраться за мой счет? – не выдержал я.

– Я ж говорю, сама деликатность, – хохотнул Мун и пригубил водку, словно в стакане плескался горячий ароматный чай из эксклюзивной коллекции, а не мерзкое сивушное пойло местного розлива.

Я молча опрокинул стакан и плеснул еще. Чем быстрее кончится водка, тем быстрее закончится этот разговор. И я мирно отправлюсь спать. Уж спать-то мне здесь никто не помешает. Хотя некоторые кудесники умудрялись находить в зоне и баб. Впрочем, на этом все чудеса и заканчивались, потому как проблемы от них были все те же, что и во внешнем мире. Не зря мудрый русский народ сказал «баба с возу – кобыле легче».

– У меня к тебе дело, – выдал Мунлайт в промежутке между смакованием водки. – Есть работенка.

Он взял театральную паузу, словно давая мне время на обдумывание сказанного. А я подумал, что с подобной фразы может начинаться только какая-нибудь гадостная авантюра, которая нарушит мою размеренную жизнь и не даст мне еще очень долго спать в свое удовольствие.

– Есть один человечек, – продолжил Мунлайт с налетом загадочности, поигрывая стаканом.

Этот вертящийся в пальцах и бряцающий по столу стакан меня почему-то раздражал больше всего. Я перехватил руку Муна, прижал к столешнице стакан и налил в него под самый край. На вечно ухмыляющейся роже мелькнула тень удивления.

– Пей и топай, – коротко объяснил я, выливая остатки водки себе в стакан.

По ту сторону зала кто-то с наездом забасил дежурную тираду, с какой обычно начинается мордобой. Все, пора баиньки. Я залпом залудил остатки огненной воды и, собрав с тарелки последние кусочки колбасы, приготовился отчалить.

– Будешь идиотом, – засуетился Мунлайт, тщательно пытаясь скрыть волнение. – Дело денежное.

– Меня не интересуют денежные дела, – задержался я. – У меня свои методы работы.

– Знаю-знаю, – усмехнулся он. – Только такие расклады подгоняют не каждый день. Ты послушай сперва. Такие предложения бывают раз в жизни.

– Именно поэтому предпочитаю от них отказываться. Лучше жить без подобных предложений, чем принимать предложения, которые становятся последними в жизни.

– Ну, не жалей потом, – пожал плечами Мунлайт, маскируя разочарование пофигизмом. – И не говори…

Что именно мне не стоит потом говорить, я так и не узнал. Сперва раздался дикий грохот с другой стороны зала, прервавший моего собеседника на полуслове. Затем басовитый рев. А потом над ухом взревел подскочивший Мунлайт:

– Твою мать! Это ж мои деньги.

3

Тогда-то я его и увидел впервые. В первый момент я подумал, что брежу. Он был невысокий, тощий и какой-то нелепый. Выглядел так, будто интеллигентный аспирант какого-нибудь странного вуза непонятным образом попал в казарму с непомерно развитой дедовщиной. Его появление здесь настолько не монтировалось с окружающей действительностью, что, если бы сейчас под чутким руководством бармена Сынок вынес и повесил на стену полотно Айвазовского в подлиннике, я, наверное, удивился бы меньше. На лице его было подобие конфуза, словно он боится что-то сделать, чтобы случайно кого-нибудь не обидеть. При этом во взгляде чувствовалась какая-то сила.

Странное ощущение вызывал этот человек. Кажется, плюнешь – рассыплется. Но взгляд… Была в нем некая внутренняя правда, что ли. Эдаким взглядом можно при желании руку сломать или костер зажечь. Вот только обычно такие люди

костры жгут где-то глубоко внутри, испепеляя себя почем зря. А по жизни остаются неприспособленными хлюпиками.

Хлюпик находился сейчас в подобном положении. Он стоял возле стены, а напротив него, размахивая руками, отмахиваясь от троих собутыльников и плюясь, матерился здоровенный мужик. Я пригляделся. Знал я этого сталкера. Погоняло Кабан, если мне память не изменяет. Так парень не плохой, только после первого стакана его на подвиги тянет. А сейчас под их столиком стояли две пустые бутылки, третья – на столе. Так что неудивительно, что он Хлюпика цепанул. Странно, что драки раньше не случилось.

Кабан чуть притих, будто дав себя уговорить. Но тут же резко рванулся вперед. И похоронил бы он Хлюпика, если б на его руке не повис Мунлайт, еще мгновение назад бормотавший что-то недовольно рядом со мной.

– Ты куда? – со смесью удивления и обиды заревел Кабан.

– Вася, тормозни, – вкрадчиво произнес Мунлайт.

Он вцепился обеими руками в одну Кабанью и фактически висел на ней. Пока ему удавалось сдерживать Кабана, которого тянули за плечи его же собутыльники. Но Кабан свою кликуху не зря получил. Если что эту тушку и остановит, то только пуля в голову. Хотя иногда сомневаюсь, что одной пули ему будет достаточно.

– Ты чё? – не понял Кабан.

– Он со мной, – с тем же зловещим спокойствием добавил Мун. – Оставь его, говорю.

– Ах, ты с ним, – взревел Кабан и снова ломанулся в драку.

Первым слетел тот бродяга, что висел у Кабана на левом плече. За ним последовал Мунлайт. Вася Кабан двинул ему в ухо освободившейся левой, и этот удар стал ключевым ударом вечера.

Мунлайт отцепился от правой руки Кабана и отлетел в сторону. Контролировать свои действия он уже не мог. Кабан тем временем стряхивал второго собутыльника с правого плеча. На то, куда приземлится Мун, ему было наплевать. А зря.

Мой недавний собеседник пролетел пару метров и рухнул на соседний стол. На пол грохнулись консервы, разбилась вдребезги бутылка водки, вторая повалилась набок и щедро разливала свое содержимое по столешнице. Прежде чем стоявшие у столика успели что-то сообразить, Мунлайт извернулся и ужом юркнул обратно.

Так что к тому времени, как Кабан добрался до Хлюпика, троица, которой прилетевший Мун испортил вечер, взялась за Кабана. На этом месте понимание ситуации полностью испарилось, потому что количество участников драки приблизилось к десятку и грозило вырасти еще. Да что там грозило – вырастало. Обычно подобные драки становились стихийным бедствием и охватывали весь бар. Хорошо еще охрана при входе отбирает оружие, а то по итогам каждой такой драки считали бы не калек, а трупы.

Пришло время сматывать удочки и убираться восвояси. Участвовать в погроме мне не хотелось. Вообще я не влезаю в драки и в этот раз не собирался. Даже ради Мунлайта или бармена не полез бы. А тут… Ну не смог я оставить там этого Хлюпика. Ежу же понятно, что в этом месиве его задавят. Его ж и бить не надо, придавят, кости переломают, и все. И хотя здравый смысл орал: «Остановись! Кто такой тебе этот Хлюпик?» – но я отчего-то не внял разумному внутреннему голосу и вприпрыжку дернулся через зал к месту потасовки.

Там уже возились человек пятнадцать. Уворачиваясь от проносящихся мимо ударов, я заспешил к эпицентру драки. Кто-то пихнул в бок скорее случайно, я ответил резким коротким ударом. В ответ сзади замолотили активнее, но уже не по мне.

Хлюпик, как ни странно, был еще на ногах. Правда, под левым глазом у него растекался очаровательный переливающийся, как бензиновая лужа, фингал. Я схватил неуместного человечка за плечо и поволок обратно. Он дернулся сперва пару раз, но, поняв, что бить его я не собираюсь, успокоился. Теперь он пёрся за мной, как козел на веревке, а я одной рукой волок его, второй расчищал дорогу.

Выбраться из мордобойной стихии оказалось сложнее, чем в нее влезть. Но с этим я справился. Хотя пару раз хорошенько влепить мне успели, а один раз не кисло засадили моему «козлу на поводке». Да так, что с поводка он сорвался. Пришлось вытаскивать его заново.

Добравшись до своего столика и лестницы наверх, я остановился перевести дух. И отпустил наконец Хлюпика.

– Вы кто? – спросил он хрипло.

– Угрюмый.

– Понятно. А зовут как?

– Угрюмый, – повторил я, подхватывая оставленный рюкзак.

Имена в зоне не в ходу. Имя – это что-то личное, сакральное. Сталкеры не демоны и не джинны, чтобы попадать в кабалу какому-нибудь умнику, узнавшему имя. Но тем не менее представляются кличками. Кто-то называет это дело позывным, кто-то боевым именем, кто-то еще как. Я, по старой привычке, погонялом.

– А меня зовут…

– Хлюпик тебя зовут, – оборвал я, не дав закончить.

Его паспортные данные мне тоже не нужны. А Хлюпиком я его окрестил, кажется, с самого начала. Он собрался было ответить, забурлил внутри, как закипающий чайник. Разве что крышка не задребезжала. Но тут же мгновенно и сдулся. Лишь вяло махнул рукой.

– Хлюпик так Хлюпик. А почему вы меня оттуда вытащили?

От необходимости отвечать меня избавил Мунлайт, вырвавшийся из обезумевшей толпы и прорвавшийся к нам. На скуле у него красовалась рваная довольно глубокая царапина. Не иначе, приземлившись на тот злосчастный столик, зацепил рожей жестяной край откупоренной консервной банки. Кроме

того, он прихрамывал. Но лыба была, как всегда, довольной.

– Угрюмый, так ты согласен? – обрадовался он.

– На что? – не понял я.

Сзади Муна мелькнула крепкая фигура с бутылкой в руке. Последовал короткий замах.

– Осторожно! – вспискнул Хлюпик.

Но было поздно. Бутылка опустилась сзади на башку Мунлайта. Хлопнуло, посыпались мелкие осколки. Мун мешком повалился на пол. Хлюпик рванулся к нему, будто мог чем-то помочь. Я жестко схватил его за тонкое предплечье и поволок к лестнице. Он упирался и делал это довольно уверенно. Я даже слегка удивился, откуда в этом тщедушном неуместном здесь человечке столько силенок.

Он дернулся. Я остановился.

– Погодите, – потянул обратно Хлюпик. – Ему помочь надо.

Я покачал головой и пошел вверх по лестнице. Хлюпик упирался, реально мешая мне двигаться, и тянул обратно.

– Да как же можно. Ему же плохо может быть. А если сотрясение…

Я остановился посреди лестницы. Интересно, он дурак или на самом деле не догоняет? Ну и что, что сотрясение. Мунлайт сталкер, а не барышня кисейная. А здесь… Да здесь это в порядке вещей. Норма. Ну, устроили разборки. Ну, потаранили морды. Ну и что? Даже если застрелили кого – подумаешь. Делов то.

– Ему не в первый раз, – коротко объяснил я и пошел дальше.

Моего нового знакомца такой ответ, видимо, убил напрочь. Во всяком случае, больше он не упирался.

4

Мой дом – моя крепость. В этой комнате на втором этаже, которую уже три года сдавал мне бармен, я чувствовал себя хоть немного защищенным.

Впрочем, для пришлых похвастаться было нечем. Меблировка выглядела скудной. Пружинистая койка со старым драным матрасом. Едва живой столик на покосившихся ножках. Такой же стул. Буржуйка. На этом изыски заканчивались.

Под койкой пряталась пара ящиков, в которых схоронились два спальника и пенки. Здесь же у меня были припасены два пистолета, ящик водки, ящик тушенки, десяток РГД и еще кое-какой старый хлам. Бармен об этом знал, но закрывал на это глаза. Понимает, собака, что я не стану устраивать здесь перестрелку и привлекать к себе внимание. Пожалуй, этот паразит-перекупщик знает обо мне больше других. Ну, так и я про него кое-что знаю. Так что, можно сказать, мы взаимобезопасны.

Я защелкнул дверь на замок и кивнул замершему посреди комнаты Хлюпику на металлическую койку с подранным потертым матрасом.

– Устраивайся.

Он осторожно прошел по моей комнатенке, присел на край койки. Жертва собственного воспитания и мировоззрения, усмехнулся я мысленно, господи, как же тебя сюда занесло?

В новой обстановке он чувствовал себя явно стесненно.

– Расслабься.

Я бросил в угол рюкзак. Выудил из-под койки пенку. Расстелил на полу. Сверху кинул спальник.

– Жрать хочешь? Он помотал головой.

– А выпить? – Я почувствовал себя необычно говорливым. Но с этим неуместным говорить почему-то было просто.

– Нет, спасибо, – тихо отозвался он. – Может, я на полу?

– Да успокойся ты уже, – посоветовал я.

Не раздеваясь, лег на спальник. Подпихнув рюкзак под голову поудобнее, вытянул ноги и принялся наблюдать за Хлюпиком. Так в детстве наблюдал за хомяком, которого запустили в новую непривычную клетку. Хомяку было любопытно, странно и боязливо. Хлюпику, судя по всему, тоже.

Наконец он улегся на койке, предварительно скинув зачем-то ботинки. Возиться перестал, расслабился, но голос подать боялся. Боится – значит уважает, так, кажется? Хотя в истинности этой поговорки я никогда уверен не был.

– Ты как здесь оказался? – прервал я затянувшееся молчание.

Он подскочил на койке, словно только и ждал моего голоса, чтобы не лежать бревном, и снова уселся на край.

– Меня Мунлайт привел.

Опа! Теперь мне стал понятен вопль про «мои деньги», с которым сталкер с плотоядной ухмылкой бросился отбивать Хлюпика у Васьки Кабана.

– Зачем? – осторожно поинтересовался я.

– За деньги. Я ему заплатил, – охотно пояснил Хлюпик. – Мне надо было в зону, я искал проводника. Он меня проводил. Я у одного такого сидел… Волком звать, знаете? Вот, искал проводника. Этот Волк мне Мунлайта и посоветовал.

– А зачем тебе надо было в зону? – чувствуя себя законченным идиотом, полюбопытствовал я.

– Нужно, – замялся мой нечаянный гость.

– Знаешь, – я тоже сел и посмотрел на него в упор, – Зона – это очень паршивое место. Она может выглядеть романтичной и экзотической до соплей. Она может представлять интерес для всяких там психологов, ученых и прочих любителей экзотики. Но она не место для них. Вот ты сюда пришел. Зачем? Ты хоть понимаешь, дурень, что ты здесь вне закона?

Хлюпик слушал молча. Потупил взгляд. Потом вдруг с невероятной поспешностью посмотрел мне в глаза, резко полоснув взглядом, словно ножом, и выпалил:

– Мне к Монолиту надо.

Вот так вот! Не больше, не меньше. Про исполнитель желаний много сказок ходило. Кто-то до него вроде как доходил даже. По слухам. Потому как тех, кто до него добрался, я лично за шесть лет топтания зоны не видел ни разу. Легенды ходили. Эдакий сталкерский фольклор. Но фактов не было. Да и сказки были одна другой чудеснее. Кто-то травил байки про то, что Монолит – это психотронное оружие, кто-то рассказывал про инопланетян, кто-то про пришельцев из другого измерения. Кому верить и верить ли, я не знал. Потому предпочитал относиться к этому как к мифам. Древние греки тоже в Зевса и Геракла верили. Но где тот Зевс? Где Геракл? А по небу, которое атланты держат, самолёты теперь летают с вертолетами. Причем вполне реальные.

– Плохая шутка, парень, – покачал головой я. – Монолита нет.

– Но говорят…

– Говорят, что кур доят, – зло отрезал я.

Что он, совсем дурак, что ли? Не понимает ни хрена?

– Я в него верю, – твердо произнес Хлюпик.

– Ну и дурак. – Я снова откинулся на рюкзак, вытянул ноги и прикрыл глаза.

Господи, какого рожна сюда занесло этого идиота?

Послышался шорох и скрип пружин. Хлюпик, по всей видимости, тоже решил лечь. Если бы встал, звук был бы другой. Снова завозился, и все смолкло. Я лежал не открывая глаз, но и не спал. Поспишь тут, когда посторонний рядом. Хрен его знает, чего у него на уме на самом деле. И хотя здравый смысл подсказывал, что ждать опасности от Хлюпика не стоит, заснуть я уже не мог.

Так продолжалось с полчаса. Когда я открыл глаза, в комнатушке было уже совсем темно. В темноте что-то шевельнулось.

– Угрюмый, вы не спите?

– Не сплю, – буркнул я. – И меня тут один.

– Простите, а почему вы мне помогли?

Я промолчал. Что я мог ему сказать? Я мог бы долго вспоминать про парня, который вот таким же интеллигентным воспитанным Хлюпиком вылетел по глупости из вуза и попал под призыв. Вспомнить, как этот парень после учебки попал в Чечню, в которой к тому времени уже якобы не было войны. В телевизоре ее не было, а на самом деле… Но о том, что было на самом деле, никто не говорил. Я мог бы вспомнить, как этот парень вернулся оттуда, имея совершенно ненужные в мирной жизни навыки, привычку стрелять взглядом по крышам домов и окнам, и не понимая, не помня, как жить без чувства постоянной войны. Можно было вспомнить о том, что именно благодаря этому тот парень попал под суд, а потом в места не столь отдаленные. Не за преступление, а за то, что сильнее, чем требовалось, обработал одного ублюдка на улице. Суд даже принял это к сведению. Но срок, по гуманности своей, дал не тому, кто посреди улицы пытался отобрать чужое, а тому, кто, не отдав свое, сделал неудавшегося гопстопника калекой. Можно было вспомнить и срок на той зоне, и выход после того срока, и попадание в эту от безысходности. Можно было даже вспомнить, что у того парня было настоящее имя, а не угрюмое погоняло, но что это объясняло?

Расскажи я все это дурню Хлюпику, разве смог бы я объяснить то чувство, которое возникло, шевельнулось где-то глубоко, когда увидел его в баре «Сто рентген»? Я и себе-то это до конца объяснить не мог. Ностальгия, что ли? Или какое-то подсознательное желание человека, вляпавшегося в дерьмо, оградить от этого опыта того, кто стоит над кучей, занеся ногу для решающего шага?

– Угрюмый, вы меня слышите?

– Меня тут один, – сердито повторил я. – И перестань извиняться через слово, а то в грызло дам.

– За что?

– За лишние слова, – объяснил я неохотно. – Хочешь говорить, говори по делу. Не хочешь по делу, не засоряй эфир. Доступно?

– Вполне, – усмехнулась темнота. Вот зараза, он еще и веселится.

– Еще вопросы будут, или я могу поспать?

– А почему он Мунлайт?

– А почему я Угрюмый, тебя не интересует?

– Ну, это понятно, – заявил уверенно голос из темноты и осекся.

Ишь ты какой. С пониманием.

– А он тебе не объяснял?

– Объяснял что-то про мистера Мунлайта и американских контрабандистов-самогонщиков тридцатых годов, которых мунлайтерами называли. Но как-то неубедительно.

Я хмыкнул. Неубедительно. Мунлайта я узнал, когда он уже был Мунлайтом. Так что уверенности нет, но причин могло быть две, на мой взгляд. Когда Мунлайт уходил в себя и на чем-то сосредоточивался, он всегда начинал тянуть под нос песенку Криса Де Бурга «Moonlight and vodka» [1 - «Лунный свет и водка» (англ.).]. Сколько помню, он частенько ныл это себе под нос. Он вообще был известен как человек умеющий насиловать гитару и петь под нее любое старье от Битлов до Кати Лель.

А еще рассказывали, что Мунлайт ненавидит песенку «Moonlight Shadow» [2 - «Тень лунного света» (англ.).] Майка Олдфилда. Говорят, что когда-то с ним в паре топтал зону один мелкий занудный осетинчик, который, зная об этом, неустанно подначивал Мунлайта и просил спеть ненавистную песенку. Так продолжалось, пока тот по пьяни не переломал ему ноги. С тех пор мелкого занудного никто не видел, а Мунлайт получил свое погоняло.

Как было на самом деле, я, честно говоря, не знал.

– Из-за любви к англо-американской эстраде, – собрал я оба варианта в одну кучу.

– Угу.

Темнота комнаты погрузилась в молчание. Но тишина была такой напряженной, что я понял – он хочет спросить что-то еще. Хочет, но не может. Не решается. Потому и спрашивает о чужих кличках и прочей ерунде, которая на самом деле его не интересует.

– Угрюмый, простите, а вы…

– По лбу дам, – сердито пообещал я.

– А вы… ты ведь сталкер? То есть тебя зона кормит? – Я не ответил. На еврейские вопросы армянское радио не отвечает.

– Тебе деньги нужны?

Я молчал. Уже понял, к чему он клонит со своими риторическими вопросами.

– Я заплачу. У меня квартира есть в сталинской высотке. От деда осталась. Она прилично стоит. Я продам и заплачу. Правда. А ты отведи меня к Монолиту. Мунлайт сказал, что один туда не сунется. Обещал найти кого-нибудь в пару и проводить. Ты ведь можешь с ним в паре? Проводи меня, а?…

Он говорил все медленнее, пока совсем не потерялся. Но я знал, что он не спит, а ждет ответа. Ладно, зато теперь понятно, что за работенку хотел Мунлайт

подсунуть.

– Я провожу тебя. Завтра. Причем бесплатно, – пообещал я.

И я не врал.

5

Проснулся я от дикого рева. Было темно, но темнота, кажется стала, чуть реже. Приближался рассвет. Под окном хохотали, травили байки и голосили под гитару. Чья была гитара, не знаю, а вот голос, который пел, я узнал сразу.

– Rape me, my friend. Rape me again, – надрывался Мунлайт.

Чертыхнувшись, я поднялся на ноги и подошел к окну. Внизу в сотне метров от стены игриво полыхал костерок. Рядом сидели Вася Кабан, тренькающий на гитаре Мунлайт и еще пара смутно знакомых сталкеров.

My favorite inside source

I'll kiss your open sores

Appreciate your concern

You'll always stink and burn

Rape me, my friend…

Чертов музыкант со всей дури зафигачил по струнам и заорал свое «Rape me» на разные лады.

– Это что? – поинтересовался заспанный голос Хлюпика.

– Ты боялся, что у него сотрясение мозга? – проворчал я. – Было бы чего сотрясать. Петь оне изволят.

– А-а… – протянул Хлюпик. Странно как-то протянул.

Я щелкнул зажигалкой и посмотрел, чего там с ним. Ничего странного не было. Только заспанная рожа с отпечатком матраса на щеке, выставленная вперед рука и все тот же голос.

– Не светите…

– Нас здесь по-прежнему одна штука, – сказал я, но зажигалку потушил.

Мунлайт продолжал орать до хрипоты, причем от всей песни осталось два слова, которые со смаком перекатывались на разные лады.

– Это он по-английски? – спросил я у Хлюпика.

– Ага.

– И чего поет?

– Ну-у… – голос слегка замялся. – Опуская все подробности, просит, чтобы его изнасиловали.

– Всю песню? – Полезно, оказывается, знать буржуйские языки.

– Ага.

– А если не опускать подробности, – заинтересовался я.

Хлюпик помялся.

– Если не опускать подробности, то просит, чтобы его изнасиловали, в подробностях.

Я подхватил куртку, накинул на плечи. Хлюпик завозился активнее. Когда я забросил на плечо рюкзак, парень не выдержал.

– А ты куда?

– Пойду, – буркнул я. – Трахну его. Чего не нагнуть, раз так просит. Видишь, как надрывается человек.

Хлюпик не ответил, мекнул что-то нечленораздельное. Видимо, так и не понял, шучу я или нет.

– Ладно, – успокоил я его. – Вернусь скоро. Спи пока.

Койка жалостливо скрипнула. Я вышел.

Дверь на всякий случай запер. Не то чтобы я боялся за свое имущество, которого в комнате практически не осталось. А вот о неуместном моем госте, сочетающемся со здешними реалиями, как раскладушка с балдахином, стоило побеспокоиться. Проснется, пойдет куда, нарвется на кого со своим «простите-извините», и будет как вчера вечером с Васей Кабаном.

Я спустился вниз, проскочил через притихший бар. Сейчас здесь было значительно меньше народу. Просвистав мимо охранника, поднялся наверх и потребовал оружие. Карауливший стволы мужик подозрительно сощурился.

– Слышь, Угрюмый, а у тебя «калаша» вроде не было.

– Не было, теперь есть, – пожал я плечами.

Он протянул АК. Я схватился за цевье, но он не отпустил. Придерживая «калаш», пристально посмотрел мне в глаза. Что за манера пошла в зенки мне пялиться?

– А ведь это не твой, я хозяина знаю, – с вызовом сообщил мужик.

– Теперь мой.

Я резко дернул ствол на себя, он расцепил пальцы, выставил передо мной руки с раскрытыми ладонями, словно ища примирения.

Закинув автомат на плечо, я молча пошел прочь. Знакомый, значит. Выходит, этот его знакомый меня обуть хотел. А я-то думал, на меня бандюки напали. А эти бандюки, выходит, какое-то отношение к «Долгу» имеют. Или этот говнюк привратник со всяким сбродом якшается? Ладно, не суть. Если долго думать, башка треснет.

Трахать Мунлайта я, разумеется, не собирался. Сейчас он если и был мне интересен, то в последнюю очередь. Первым делом надо было выйти с территории «Долга».

На улице было противно. Дождь так и не перестал, да и сильнее не разошелся. Сверху сыпала мелкая морось. Под ногами мерзко чавкало раскисшей грязью. Намокшие облезлые стены навевали хмурое настроение и желание запрятаться в дальний угол и греться водкой, пока не свалишься в беспамятстве. Тускло, сыро, противно, беспросветно. Я поежился, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Подтянув рюкзак, запетлял мелкими переходиками между зданий.

База у «должников» сравнительно небольшая, а передвигаться по ней, если оружием не махать, почти так же просто и безопасно, как по главной пешеходной улице столицы нашей родины. Впрочем, сравнение так себе. В зоне не только представители разных городов трутся, но и родина тут у каждого своя. Так брякнешь какому воинствующему украинскому хлопцу «здорова, земляк» – и доказывай потом, что ты не верблюд. С другой стороны, про себя кого хочу, того тем и называю. Если долговца «должником» вслух назвать, можно не то что по морде получить, к праотцам отправиться.

«Долг» группировка серьезная. Говорят, изначально она состояла из оставшихся в зоне военных. Сейчас в ряды «Долга» принимают не только военных. Хотя это не значит, что возьмут кого попало. Пришлых здесь тоже не шибко любят, хотя порой и допускают. Меня здесь терпят. Сам я в «Долге» не состою. Зато состою в крепких деловых отношениях с барменом. Долгосрочных и взаимовыгодных. А это дорогого стоит. Короче, «должники» за три года ко мне привыкли. Но своим я не стал. Если на рожон полезу, пристрелят на месте, к гадалке не ходи.

Стало светать. В предрассветном сумраке постройки стали видны в подробностях. Обогнув очередное здание, я выскочил на блокпост. Там явно не ждали визитеров в такое время. Пара «должников» схватились за автоматы.

– Стой! – рявкнул тот, что справа.

Я послушно остановился, поднял руки вверх и неторопливо шагнул ближе, давая себя разглядеть.

– Угрюмый, мать твою за ногу. Куда тебя несет среди ночи? – проворчал тот, что слева.

– Пусть идет, – усмехнулся правый. – Может, ему до ветру приспичило.

Левый хихикнул. Понимаю. Мокрые, злые, усталые. Им сейчас все смешно, что кого-то другого цепляет. Отвечать я не стал. Зачем?

На рассвете гулять по зоне жутковато. Не так страшно, как ночью, конечно, но все равно. Тут и днем-то как минимум неприятно, а когда все вокруг тает в сумеречной дымке, и вовсе становится не по себе.

В сумерки мир теряет четкость, линии сглаживаются, тени сливаются. Здесь это особенно заметно, потому что опасно. В зоне нельзя чего-то не увидеть. Невнимательность грозит смертью.

Обычно, когда сталкеры начинают говорить про зону, звучат банальности. Новичков это зачастую сбивает с толку, наводит на мысль, что не так страшен черт, как его малюют. А такой подход грозит скорой бедой. Потому старики норовят предостеречь. А как предостеречь? В который раз рассказать, что зона – это зона и она не похожа ни на джунгли Амазонки, ни на вершины Эльбруса, но в разы опаснее. Банально.

Или поведать, что в зоне нет знакомых дорог. Что в зоне все меняется. Постоянно. Потому что зона – это зона. Потому что она обладает известной самостоятельностью и подвижностью, живет своей жизнью. Тоже банальность.

Так же банально звучит мысль о том, что, несмотря на кажущуюся безопасность, здесь опасно всегда. А прямая дорога не всегда самая безопасная. Банальности, банальности. Как прописные истины они вязнут на ушах, создавая иллюзию у новичков, что все это занудство стариков и ничего сверхъестественного не случится. Заколдованный круг.

Правда, при первом же столкновении с аномалией эта иллюзия рассеивается. Но одного столкновения зачастую более чем достаточно.

Я шел медленно. Здесь не ходят быстро и не бегают. Чуть впереди, справа, словно над гигантским костром, подрагивал воздух. Только костра не было. Запищал датчик, предупреждая об аномалии, но я уже заложил крюк, обходя опасное место по широкой дуге.

Нычки устраивали все, кто подолгу торчал в зоне. Все ценное с собой не потаскаешь. И тяжесть лишняя, и потерять все скопом никому не захочется. А остаться в зоне без порток так же просто, как до трех сосчитать. Бродяг всяких, охочих до чужого добра на халяву, здесь, как грязи. Да и вояки не всегда стреляют на поражение. Могут со скуки развлекухи ради оставить без оружия и снаряги и отпустить на все четыре, наблюдая, далеко ли ты уйдешь. А без оружия в зоне далеко уходят только фантастические везунчики. Про них среди сталкеров тоже ходят байки, так что их погоняла всем известны.

Некоторые нычки устраивают группировки. Что называется, для своих, на всякий пожарный случай. Еще случаются нычки со странностями. По зоне давно гуляли байки про загадочного сталкера Снейка, который устраивал схроны в труднодоступных местах и наполнял их совершенно непонятным содержимым. Например, мог в одной нычке сложить десять «калашей». Или припрятать в одном месте два десятка одинаковых артефактов. Зачем, пес его знает. Может, были какие свои мотивы, может, мозги потекли от прогулок по зоне, излучение все-таки. А может, все это просто сталкерские байки.

Мой тайник был совсем недалеко. Если по прямой. Только по прямой не получалось. Весь путь занял с полчаса. Со времени моего последнего визита здесь никого не было. Тайник сохранился нетронутым, точно таким, каким я его оставлял.

Оглядевшись по сторонам, я сбросил на землю рюкзак и разворошил нычку. Несмотря на то что бармен платил мне довольно паршиво, за шесть лет в тайнике накопилась весьма достойная сумма. За такие деньги многие работают всю жизнь. На тот случай, если этого будет мало, у меня была припрятана пара артефактов, за которые мой скупщик удавился бы. Вот только что со всем этим делать, я пока не придумал. Потому и деньги, и артефакты лежали мертвым грузом и ждали неизвестно чего.

На то, чтобы переложить полученные от бармена деньги в тайник и замаскировать все обратно, ушли считанные минуты. Результат моих трудов показался вполне удовлетворительным.

Я застегнул рюкзак и присел на него сверху. Пять минут «покурить, оправиться». И хотя давно бросил привычку мусолить сигареты, а гадить посреди зоны себе дороже, отдых не помешает.

Когда-нибудь я придумаю для себя какое-то будущее. Если у меня когда-нибудь хватит на него фантазии. Тогда я приду сюда, заберу все под ноль и навсегда уйду из зоны. И перестану быть Угрюмым. Губы потянулись в стороны в грустной ухмылке. Забавно звучит. Вот только будущего я не вижу. То ли фантазия сдохла, то ли сам я давно уже живой труп.

Все, посидели, и будя. Возвращаться пора.

Назад я шел другим путем. Впрочем, мне было все равно. Так и так не заблудился бы. Место расположения моего тайника и опознавательные приметы у меня в голове. Я не доверяю ни бумаге, ни ПДА. Никто и никогда от меня не узнает, где находится нычка. Потому и здесь рассказывать не буду. Не нужны подробности. Они мои, как и тайник, и зажученное в нем эфемерное будущее.

* * *

К базе «Долга» я подходил с другой стороны. Уже совсем рассвело. И хотя противный дождь так и не прекратился, мир вокруг стал значительно приятнее. Если слово «приятно» вообще может каким-то боком относиться к зоне.

Споткнулся на мысли. А ведь вру, иногда и в зоне бывает красиво. Случается, сквозь хмарь пробивается свет. Играет солнечными зайчиками на яркой листве. С утра, когда солнце только вываливается из-за серовато-розового горизонта и до вечера, когда закатывается, утопая в малиновом закате.

Бывает. Но не сегодня. Сегодня будни. Сегодня дождь. Сегодня все серо и хмуро.

До блокпоста осталось всего метров четыреста, и я сделал очень большую ошибку. Я расслабился.

Подобной глупости зона не прощает. Можно считать это очередной банальностью, но это факт. И стоило мне один раз сглупить, как тут же последовала реакция. Шагах в десяти от меня возникло шевеление. Я замер.

То, что еще секунду назад казалось сквозь пелену мороси здоровым валуном, поднялось и с хрустом потянулось. Кабан! Везет мне на них в последнее время. В отличие от Васьки этот не был пьян, зато был огромен и дик. И если затуманенные водкой мозги Васи Кабана и рождающиеся в них мыслишки были мне понятны, то предположить, что происходит в огромной мохнатой башке чернобыльского кабана, я бы не рискнул.

Зверюга покосилась в мою сторону. Я осторожно потянул ремень. «Калаш» принял горизонтальное положение. Металл под рукой показался обжигающе холодным. Я дернул плечом, стряхивая ремень, перехватил автомат поудобнее и сделал шаг.

Боров чуть заметно шевельнул огромной, как пивной котел, головой.

Не будь свиньей, попросил я мысленно, дай пройти. Я ж тебя не трогаю.

Кабан не то фыркнул, не то хрюкнул. Не знаю, можно ли было принять это за ответ, услышал ли он мою просьбу… Может, и услышал, многие местные твари имеют странные способности. Так или иначе, я сделал еще один шаг, затем еще и еще. С каждым шагом я больше удалялся от кабана, чем приближался к «должникам».

Зверь делал вид, что мои передвижения ему не интересны. А может, они и в самом деле были ему до фонаря. Шаг за шагом я огибал зверюгу по широкой дуге. Мне удалось отойти от него шагов на тридцать. На секунду показалось, что счастье рядом. Все, я прошел, и кабан меня не тронет.

Предательской мысли оказалось достаточно, чтобы шаткое ощущение рухнуло, как карточный домик от включенного вентилятора. Дикая тварь вскинула голову и без предупреждения бросилась на меня.

Я поразился тому, какую скорость рвет эта зараза с места. Секунда, и кабан был уже на полпути ко мне. Половина таких бесконечно трудных шагов.

А дальше сработали рефлексы. Я не успел подумать, не успел прицелиться. Палец сам собой дернул спусковой крючок. Треснуло. Я дал короткую очередь. Автомат задергался в руках, пытаясь усвистать в сторону, вырваться. Затем вторую. Следом третью. Хотя третья была уже не нужна. Первая очередь остановила кабана, дернула его чуть в сторону. Вторая попала в голову. Зверюгу отшвырнуло. Кабан взвизгнул дико и повалился на землю. Его визг прокатился во все стороны, разрывая тишину мертвого утра зоны, кажется, на многие километры. Тело зверя задергалось в агонии, а может, его затрясло от третьей очереди. Так или иначе, он больше не поднялся.

Все. Пора сматывать. Я зашагал быстрее. Сзади почувствовалась легкая вибрация. Дрожал не воздух, дрожала земля. И это была не аномалия. Я оглянулся. Дьявол! На меня неслись с десяток кабанов. И хотя они были далеко, а силуэты их едва различимы, скорость оказалась такой же невероятной, как и у пристреленной мной особи.

В зоне не бегают. Я знал это. Но сейчас другого выхода не было. И я припустил что есть мочи к блокпосту.

Я бежал так, как не бегал очень давно. Сзади топало, бухало, хрипело, словно за мной гнался табун слонов. Почуяли, что ли, твари, что я их сородича похоронил? Или услышали. Могли услышать. Покойник так орал, что не услышал бы только глухой.

Глупо. Последняя шутка могла быть и поизящнее. Хотя каких еще шуток ждать от Угрюмого?

До блокпоста оставалось метров сто. Впереди замелькали фигуры людей. К двоим, которые пропускали меня на выход, сейчас присоединилось еще пятеро. Я рванулся на блокпост из последних сил, как бежал с автоматом наперевес.

Впереди мелькнула злая харя… Другая со следами отрешенности… Дула автоматов…

– Оружие брось! – рявкнул кто-то. Ага. Сейчас. Размечтались.

Треснула очередь. В первый момент показалось, что стреляют в меня. Я нырнул вниз, но у людей сейчас была цель посерьезнее моей скромной персоны. Земля приняла мою распластанную, словно лягушка под катком, тушку крепким ударом. Я шлепнулся плашмя, но собрался и тут же перекатился. В то же мгновение застрекотали автоматы. Топот сзади сбился с ритма, его разбавил визг расстреливаемых животных и грохот автоматных выстрелов.

Я попытался подняться и помочь отстреливать тварей, но в затылок что-то неуклюже ударилось. В голове загудело, словно заиграл орган на одной ноте, но от души. Сквозь гуд прорезался дребезжащий голос сверху:

– Лежи, сука. С тобой потом разберемся.

Прикладом врезали, подумал я. Перед глазами возникло взволнованное лицо Хлюпика. «А если сотрясение?» – опасливо поинтересовался он и растекся в мутное радужно переливающееся пятно. В следующее мгновение пятно налилось черным, и я отрубился окончательно.

6

– Так это Угрюмый, – донеслось сквозь непроходящий болезненный гул, как будто у меня в голове отчаливающий пароход давал бесконечный прощальный гудок.

– А я его прикладом, – задумчиво добавил второй голос. – А с другой стороны, хрен ли он с автоматом?

– До ветру ходил, – хохотнул третий голос. Этот голос я слышал совсем недавно.

Я открыл глаза. Трое стояли надо мной и с интересом меня разглядывали. Хоть бы пульс пощупали, может, я помер давно. Собаки дикие. Хотя им-то что.

– О, очухался. – Первый оказался не то самым наблюдательным, не то самым говорливым.

– Ну чего, Угрюмый, поссал? – развеселился третий.

– Какое там поссал, – весело поддержал второй. – За ним десяток кабанов перло. Он уж небось не только поссал, но и пару раз обгадился.

Все трое бодро расхохотались. Сволочи, блин. Я с трудом оперся на автомат, который все еще сжимал в руке, тяжело поднялся. Голова гудела, ноги подрагивали. Меня мутило и шатало из стороны в сторону.

– Ну, чего, Угрюмый, сколько раз облегчиться успел? Еле переставляя ноги, я потопал к бару. В спину снова загоготали. Понятное дело, смеются. Хоть всемером и при оружии, а с десятком кабанов тягаться все равно страшно. Так что регочут не оттого, что смешно. Просто разрядка. Сами обгадиться успели. И не упрекнешь. В зоне обгадиться проще пареной репы. Вот чтоб штаны не намочить – это талант иметь надо.

До бара дошлёпал кое-как. Привратник, забирая «калаш», бывшего хозяина которого он знал, гадко улыбался. Спуститься вниз и подняться к себе наверх оказалось менее проблематично, видимо, я начал приходить в себя. Но когда вошел в комнату, уронил рюкзак и как был без сил грохнулся на пол.

Хлюпик дрых без задних ног и от моего появления даже не проснулся. Мне бы такой сон.

– Эй, – позвал я. – Подъем!

Он завозился, сладко потянулся и, открыв глаза, уставился на меня. Лицо его вытянулось и стало по-детски удивленным.

– Что с вами?

– Я все еще один.

– Простите.

– И я тебе все-таки дам по лбу. Вот только в себя приду.

Он улыбнулся, сел на койке. Скинув ноги вниз, принялся обуваться.

– У вас… у тебя, – поспешил поправиться он, – такой вид, как будто тебя изнасиловали. Что, Мунлайт не дался?

О чем это он? Ах да…

– Можно и так сказать, – буркнул я. – Под кроватью ящик с консервами. Доставай, жрать будем.

– Весь ящик? – глупо переспросил он.

– Если осилишь ящик тушенки, можешь доставать весь. Мне будет любопытно на это посмотреть.

Хлюпик снова улыбнулся и полез под койку. Чего-то он сегодня слишком веселый. Освоился, страх потерял? Так я живо напомню, кого бояться.

После тушенки стало легче. Хотя первые куски упирались и вместо того, чтобы лезть в глотку, упорно старались вылезти обратно, вывернув следом за собой и желудок.

Когда ложка заскоблила по дну банки, Хлюпик едва дошел до середины. Аппетита у него, несмотря на бодрое настроение, видимо, не было.

– Ешь быстрее, и пошли, – распорядился я.

– Куда? – оживился Хлюпик.

– С вещами на выход.

В отличие от него у меня настроение было хуже некуда. Отдохнул, называется, недельку. Попил водочки и поотсыпался за счет заведения.

Мунлайта долго искать не пришлось. Он стоял в баре, опершись о стойку, и медленно посасывал пиво. Извращенец. В зоне пиво пьют только извращенцы,

гурманы и пижоны, что в принципе одно и то же. Водка хоть лечит. Радиацию глушит. Хотя в случае Мунлайта пиво сейчас, наверное, тоже можно было назвать лекарством.

Выглядел он паршиво. Острые глазки сверкали нездоровым блеском. Рожа опухла. На скуле запеклась кривая царапина – видимые последствия вчерашней потасовки. Но обрамленная бородкой-подковкой ухмылка была на месте.

Я огляделся. Бармена не было, видать, дрыхнет. За стойкой, подперев голову рукой, подремывал Сынок. Встав рядом с Мунлайтом, я грохнул ладонью по стойке. Хлопок получился смачным. Ладонь засаднило. Зато Сынок подпрыгнул так, как будто у него над ухом из пушки шарахнули.

– Чего? – потирая заспанные глазенки, поинтересовался Сынок.

Мой указательный палец ткнул в исходящий паром чайник, потом принял вертикальное положение. Сынок понял меня без слов. Подхватил пластиковый стаканчик, кинул в него ложку дешевого кофейного порошка, две ложки сахара, плеснул кипятка и поставил передо мной готовый продукт.

– За счет заведения, – кивнул Сынок на стакан и вернулся на свое место.

Интересно, он мне теперь неделю будет напоминать, что они меня угощают? Стаканчик обжигал пальцы. Я сделал несколько глотков, покосился на Муна, который все это время мусолил кружку с пивом.

– Где он? – спросил Мунлайт, наблюдая, как Сынок, подперев башку другой рукой, пытается перебороть вновь наваливающуюся дремоту.

Я молча ткнул пальцем в потолок и снова присосался к стакану. Растворимый кофе, как и любой другой кофеиносодержащий напиток, чудесного действия не оказывал. Спать хотелось, как и раньше. Вообще от недосыпа лечит только сон, проверено на практике.

– Он тебе сказал? – поинтересовался Мун. Вместо ответа он получил короткий кивок.

– Чего думаешь?

Я подавил зевок и пожат плечами. Чего тут думать?

– Надо отвести парня.

– Круто, – оживился Мунлайт. – Не думал, что ты согласишься. С другой стороны, за такие бабки… Кстати, бабки пополам. Хотя согласись, за такую работу я мог бы содрать процент побольше. Это ж я его надыбал.

Я молча допил кофеек и смял стаканчик.

– Он тебе заплатил за то, что ты его сюда приволок?

– А то!

– Значит, ты не внакладе, хорошо. – Я легонько щелкнул пальцем по мятому стакану. Скукоженный пластик качнулся и завалился набок. – Дальше мы его ведем бесплатно.

Мунлайт посмотрел на меня странно, но удар выдержал.

– Бесплатно? А если Монолита не существует? А если нам не повезет с артефактами по дороге? Плюс риск. Гарантии нужны. Нет, я понимаю, что у Монолита можно чего угодно выпросить, но… Бесплатно в четвертый энергоблок…

Я отвалился от стойки, выпрямился и посмотрел на него в упор.

– Разве я сказал что-то про четвертый энергоблок?

– Но ему же нужен Монолит.

Разговор меня напрягал. Не люблю много говорить. Зачем? А тут… Домой ему нужно, Хлюпику этому. Подальше от зоны, а не к Монолиту. Так что проводим парня за кордон, и все.

– Домой ему нужно, – сердито пробурчал я. Мунлайт отодвинул недопитое пиво и набычился.

– Это он сказал? – Я молчал.

– Ему нужно к Монолиту. Он сам сказал. И он не маленький, может самостоятельные решения принимать. А ты не нянька, слышь ты, Мистер Большое Ухо, Ему нужно к Монолигу, и все.

– А если Монолита не существует? – поинтересовался я.

– Плевать. Зато существует квартира в сталинской высотке. Ты знаешь сколько стоит квартира в сталинской высотке? Знаешь, москаль клятый.

– Зачем ему к Монолиту?

– Не сказал. А тебе это важно? Сказал, что нужно очень.

– Он сам не знает, что ему нужно, – не сдержался я. – Ты его видел? Что он может попросить у Монолита? Денег? Любви, надежды, тихой славы? Мир во всем мире? Лекарство от СПИДа? Или ему баба не дает, а других средств ее нагнуть он не знает? Не нужно ему к Монолиту. Понимаешь? Чего ты пялишься на меня? Выключи калькулятор и включи мозги.

Черт, ненавижу моменты, когда меня прорывает. Говорю много, говорю лишнее. Потом жалею. Всегда. Вот и сейчас хватило одного взгляда на Мунлайта, чтобы пожалеть о сказанном.

На похмельное лицо вернулась уверенная ядовитая ухмылка.

– Ну, понятно, – издевательски протянул Мун. – Супер Радж – защитник бедных, обездоленных, униженных и слабоумных.

Он отвернулся и залпом допил пиво. Пустая кружка шлепнулась на стойку. Мунлайт повернулся ко мне и снова заулыбался, словно придумал нечто гадостное и злорадно потирает лапки.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился он, – только сам ему расскажешь, что мы провожаем его домой. Он ведь еще не знает этой сногсшибательной новости?

Я покачал головой. Он смотрел на меня с видом заправского садиста и желчно ухмылялся.

– Вот и замечательно. Ты его и просветишь.

7

Мое появление Хлюпик воспринял с энтузиазмом.

– О! Угрюмый. А я уж вас заждался.

Я зыркнул в его сторону, но говорить ничего не стал. Хлюпик стушевался.

– Прости, – промямлил жалко. – Я не хочу по лбу, я все понял.

По лбу я ему давать и не собирался. Но то, что вымуштровался парнишка, уже хорошо. Значит, прогулка будет, считай, увеселительной. Главное, чтоб шел, куда говорят, и не совался, куда не надо. Отведу его к Сидоровичу. Сидорович живет за кордоном, там, где почти уж и зоны нет. Сдам с рук на руки, и нехай свищет отсюда до дому, до хаты в своей сталинской высотке. Нет во внешнем мире ничего такого, что бы нельзя было купить, продав квартиру в сталинской высотке. Так что никаких Монолитов.

Размышляя таким макаром, я выволок из-под койки пару ящиков. Один был заполнен консервными банками и гранатами. Во втором было напихано много всякой всячины. Например, новенькая «беретта».

Хлюпик нависал сверху, норовя заглянуть в ящик. Любопытный, зараза.

– На вот, – сунул я ему ствол. – Подержи. И не маячь.

Получив в руки пистолет, он приосанился и стал с интересом вертеть его в руках. Уловив краем глаза эту картину, я невольно вспомнил, как сам впервые прикоснулся к боевому оружию. Ствол в руке, словно волшебный ключик, открывал что-то потаенное глубоко внутри, добавлял уверенности. Пьянящее чувство. Неповторимое, незабываемое. И весьма опасное, как и любая другая эйфория. Мужик с пистолетом в руке начинает чувствовать себя чуть ли не богом всемогущим. Поддаваясь ложному пьянящему чувству вседозволенности и всемогущества, человек расслабляется, и ага. Говорят, против лома нет приема, пока нет другого лома. Так вот, когда пушка только у тебя одного – это преимущество. Да и то сомнительное, потому как любым стволом надо еще успеть и суметь воспользоваться. А когда стволы у каждого первого, то никаких преимуществ у тебя нет, хоть и кажется, что с пистолетом ты крут, а с «калашом» или «грозой» и вовсе непобедим. Это, кстати, одна из причин, по которой предпочитаю пистолеты. Второе преимущество пистолета перед автоматическим оружием – вес и габариты. Пистолет легче таскать, легче спрятать. Хотя глубоко в зону с одним пистолетом не сходишь. Только я так глубоко не хожу. Мне и поверхностных прогулок хватает.

Поковырявшись в ящике, я выволок свою старую куртку, протянул Хлюпику.

– Надевай.

Тот положил «беретту» на матрас и с сомнением на роже полез напяливать обновку. Я критично оглядел Хлюпика. Мой куртец болтался на нем, как на вешалке. Ну да ничего. Лучше так, чем черт-те в чем по зоне шлендрать. Правда, рукава длинноваты, но это можно подогнуть. Ему не помешает. Чему мешать? Драться он не будет, стрелять тоже. Его задача – топать за мной и не отвлекаться от дороги. Так что сойдет для сельской местности.

Подхватив рюкзак, я побросал туда несколько банок тушенки, несколько РГД и коробку с патронами. Рюкзак привычно устроился на плече.

Ногой отослав ящики обратно под койку, подхватил с тахты пистолет и протянул его Хлюпику.

– Спрячь.

Тот поспешно пихнул ствол за пояс. Да как пихнул! Слава богу, пистолет на предохранителе. А то так недолго и бездетным остаться.

– Аккуратнее, – поморщился я, – и спрячь так, чтоб в глаза не бросался.

– Мы уже идем? – поинтересовался Хлюпик, старательно ныкая «беретту».

Угу. Уже. Я кивнул ему на дверь.

– Выходи.

Мунлайт ждал нас уже за блокпостом. Дождь чуть перестал, может, потому он и позволил себе такую вольность.

Он сидел под деревом, подложив под задницу рюкзак, и жевал травинку. Не иначе совсем мозгов не осталось, раз всякую гадость в рот тянет.

Хлюпик, оценив мое сегодняшнее молчаливое настроение по достоинству, появлению Мунлайта искренне обрадовался.

– Доброе утро, – приветствовал он. – А вы не боитесь?

Мун посмотрел на него с интересом.

– Чего?

– Ну-у-у, – растерялся Хлюпик и кивнул на травинку.

– По фиг, – отозвался сталкер, отрывая зад от рюкзака. Но травинку все же выплюнул.

Парень поглядел на Муна с уважением. Тот вальяжно поднял рюкзак, накинул на плечи, подтянул лямки. Хлюпик наблюдал за ним с интересом. Когда Мун вскинул на плечо внушительного вида автомат, уважения во взгляде неуместного мужичка добавилось еще больше.

– Скоро? – поинтересовался я.

– Готов, как юный пионер. – Мун вытянулся и щелкнул каблуками. Звук получился далеко не таким изящным, как хотелось бы этому клоуну, но он, кажется, вовсе не расстроился.

– Куда топаем? – ядовито полюбопытствовал Мунлайт.

– Прямо, – сердито ответил я. – Я первый, за мной Хлюпик. Ты замыкаешь.

– Хлюпик? – возбудился Мун, поворачиваясь к пугалу в моей старой куртке.

Тот пожал плечами. Мун усмехнулся.

– Хлюпик. Ха! Давай, шагай. Хлюпик.

Реакции парня я ждать не стал. Развернулся и пошел к дороге. Там, конечно, не шибко хорошо ходить, на открытом-то пространстве, но все лучше, чем по кустам тащиться и псов чернобыльских дразнить. С Муном я бы пошел по кустам. С Хлюпиком на асфальте безопаснее.

Я не оглядывался, но прекрасно слышал, как позади, тяжело сопя, шлепает Хлюпик. А еще чуть дальше идет Мун. Последний в отличие от новичка двигался бесшумно. Ну, во всяком случае, шагов слышно не было. Сам же Мунлайт периодически тихонько похрюкивал. Словно ему в голову стукнула удивительно смешная мысль и он пытался всячески сдержаться, чтобы не заржать.

Увы, долго радоваться тишине не пришлось. Шагов через тридцать сзади послышался тихий голосок Хлюпика:

– А это что за винтовка?

– Это не винтовка, – усмехнулся в ответ Мунлайт. – Это СА «Вал».

– Что совал? – не понял Хлюпик. Мун хохотнул.

– СА «Вал». Специальный автомат. Вернее, он – автомат специальный «Вал», но СА «Вал» звучит смешнее.

– Тяжелый?

– Нет. Килограмма три с магазином вместе. Разбирается легко. И тихий. А в зоне шуметь не надо.

Хлюпик молчал, но делал это как-то подозрительно. А Мунлайта понесло. То ли от такого уважительного молчания, то ли от желания меня подначить. Второй вариант казался мне почему-то более реальным.

– Может, это пунктик, но на оружие в зоне только дурак не заморачивается. Нужно много раз подумать над тем, с чем в зону идти. Это вон Угрюмый с пистолетиком, как дурак, шатается. Но даже он, как видишь, «калаш» с собой прихватил.

Вот ведь разговорился, балабол. И не потому я «Калашникова» с собой прихватил, что в зону иду. И вообще надо будет сдать этот автомат кому-нибудь. Хоть тому же бармену. Бармен, конечно, обдерет, как липку, но я на этот «калаш» тоже не сильно потратился.

– А вообще с Угрюмого пример брать не стоит, – продолжал Мунлайт. – Из него сталкер тот еще. Сам посуди. С барменом кто торгует? Новички, неудачники и Угрюмый. С пистолетом в зону кто лезет? Новички, дураки и Угрюмый. И потом…

Все, хватит. Я резко остановился и развернулся. Хлюпик едва успел притормозить, чуть не налетел на меня. Мунлайт замер сразу. У этого с реакцией все в порядке.

– Автомат специальный «Вал» имеет ряд недостатков, – менторским тоном начал я. – У него не очень высокая для такого оружия эффективная дальность стрельбы. Магазины мелкие. Всего на десять или двадцать патронов. Кроме того, патроны для него хрен достанешь. Для выключения предохранителя надо снимать руку с рукояти. Запор узла глушителя не особенно надежен. Затвор взводится только правой рукой.

Все это я говорил, глядя в глаза Хлюпику, но, если быть честным, тирада была адресована Муну. Тот все прекрасно понял. Стоял и гнусно скалился в мою сторону. Вот зараза. Подколол-таки. А я, дурак, повелся.

– Затвор правой рукой взводить жутко неудобно, – значительно кивнул Мун. – Ага! Жу-утко неудобно. Только мне вот по фиг! Я левша.

– И еще, – добавил я. – Только дураки топчут зону, засоряя эфир пустопорожним трепом.

Рожа Мунлайта расплылась в еще более гадостной улыбке. Зря я это сказал.

Мысленно обругав себя последними словами, я развернулся и потопал вперед. Между лопатками свербило, не иначе Мун в спину пялится и ухмыляется. Сукин кот. С пистолетами в зону только дураки ходят, видишь ли. Глубоко без серьезного оружия я и не полезу. А по свалке шляться, артефакты собирать никакие автоматы на хрен не нужны. Да если из пистолета нормально стрелять уметь, то для свалки лучше моего БП не придумаешь. Разве что зверье из пистолета валить неудобно. Но на это у меня всегда с собой обрез был припасен. Из обреза и попадать не надо. Жахнул пару раз в стаю слепых собак, зверушки и разбежались с перепугу. Пистолета они почему-то не шибко боятся. А от обреза бегут. Жаль только, обрез свой я потерял, пока от Хрипатого с его балбесами драпал. Зато автоматик нашел. Вот похожу с «калашом», потом сдам и новый обрез возьму.

Так ведь не отчитываться же мне во всем этом перед каждым Мунлайтом. Вот дерьмо! Дрянное место, дрянные люди. И шутки с подначками дерьмовые. Вывести отсюда этого дурня. Хлюпика, пока из него тоже дерьмо не попёрло. И самому отсюда слинять. Но это потом. Когда-нибудь. Когда я наконец придумаю, куда сбежать. Куда и зачем.

* * *

В следующий раз Мунлайт подал голос, когда мы вышли на дорогу. Серая полоска асфальта убегала влево и вправо. И просматривалась со всех сторон. Во всяком случае, скудная растительность по бокам дороги обзору не мешала. Я вышел и остановился, дожидаясь Хлюпика и его говорливого проводника.

– Левое плечо вперед, – злорадно скомандовал Мунлайт, последним выходя на дорогу.

Вот обязательно акценты расставлять? Я посмотрел на сталкера. Тот, довольный собой, лыбился в свою подковообразную бородку. Вот ведь гадюка подколодная.

Окинув взглядом обоих, я повернул налево и пошел так же неторопливо, оставляя за спиной Припять, Чернобыль, АЭС и сказки про Монолит вместе с ними.

Хлюпик, судя по звуку, послушно засеменил следом. Но покорности его надолго не хватило. Хоть к зоне это существо и не было приспособлено никаким боком, но дураком-то он не был. Да и топографическим кретинизмом, как многие городские жители, видимо, не страдал. Во всяком случае, на местности сориентировался верно.

– Эй, – позвали сзади.

Я не остановился, не притормозил и не ускорил шаг. Топал себе и топал. В голове словно метроном включили, и каждый шаг отщелкивался в том же ритме.

– Угрюмый!

Хлюпик нагнал меня, мелькнул сбоку и выскочил передо мной. Идиот. Кто ж так делает в зоне! Но остановиться он меня все же вынудил.

– Никогда не лезь вперед ведущего. – Я постарался придать голосу максимально отстраненную интонацию. Кажется, получилось достаточно спокойно и весомо.

– Угрюмый, куда мы идем? – проигнорировал мою реплику Хлюпик.

– Прямо.

Я попытался обойти его и продолжить движение, но неуместный мужичок оказался на удивление проворен.

– Но ведь Монолит не в той стороне.

– Монолит – легенда.

– И, по легенде, он в четвертом энергоблоке. А четвертый энергоблок совсем в другой стороне, – настойчиво сказал он.

Что ты будешь делать. Я оглянулся на Мунлайта. Тот стоял в сторонке, жевал очередную травинку и с любопытством наблюдал за нашей беседой. Помощи от него ждать смысла не было.

– Ты удивительно наблюдателен. – Я снова попытался обойти его и снова безуспешно.

Черт возьми, ну не драться же мне с ним в самом деле.

– Иди за мной.

– Куда?

Я посмотрел на него и осекся. Слова застряли поперек глотки. Он смотрел на меня, но как! Прямой открытый взгляд. Взгляд упертого сильного человека. Да, он был хлюпиком, да ему здесь нечего было делать по определению. Да, его слепые собаки порвут через три минуты, стоит его только оставить одного. Но, черт подери, человек с таким взглядом не пустое место. Он – человек. В отличие от тех моральных уродов, которыми зона полнится.

Ну, что ты пялишься на меня, хотелось сказать ему. Что ты меня ломаешь? Беги отсюда, пока не поздно. Беги, пока еще человек. Пока у тебя есть что-то там – за кордоном. Беги, маленький неуместный человечек, пока зона не сломала, не переварила, не сделала тебя частицей себя. Каждый сталкер просто кусок радиоактивного мяса. Мы все мечтаем уйти отсюда богатыми и счастливыми, только никто не ушел пока. Наоборот. Мы сидим здесь и жрём друг друга, как пауки, запертые в банке. Сидим и убиваем друг друга. За что? Да ни за что. Кто за артефакты, кто за патроны, кто за оружие, кто за бабки. А кто-то просто так, для собственного развлечения. Каждый, правда, оправдывает себя, дескать, не я такой, работа такая. У вояк служба такая, у сталкеров… тоже служебная необходимость. Но только все это отговорки. А по факту есть куча уродов, растерявших все человеческое, ставших кусочками зоны. Кусочками самого

мерзкого места в этом мире.

Скажи я ему это, понял бы он меня? Вряд ли. Да и не умею я объяснять. Все это внутри, чувствую все это. А сказать не могу. Слова все портят.

– Угрюмый, Чернобыль в другой стороне. – Я кивнул. Не спорить же с очевидным.

– Тогда почему мы идем в обратную сторону?

– Потому что тебе пора домой. – Слова прозвучали глупо. Глупее не придумаешь. Что я ему, мамка родная, чтоб так разговаривать.

Но его это ни капли не тронуло.

– Мне нужно к Монолиту, – уперто проговорил он.

– Нет, – покачал я головой.

– Мне нужно к Монолиту, – повторил он, не меняя интонации. – И я туда дойду, с тобой или без тебя.

– Без меня ты здесь и ста метров не пройдешь, – честно ответил я.

Хлюпик повернулся к Мунлайту.

– Тогда он меня туда отведет.

Мун посмотрел на Хлюпика, потом на меня и весело подмигнул. Его все это, кажется, просто забавляло. Я стиснул челюсти, скрипнули зубы.

– Он один тебя не поведет. И никакой дурак с вами к Монолиту не попрется.

Пискнул ПДА, сообщая о доставленном сообщении. Я проигнорировал, не до того. Через секунду пискнуло у Муна. Тот сплюнул травинку и полез ковырять наладонник.

Я уставился на Хлюпика:

– Поверь мне, парень, тебе не надо сюда. Ничего хорошего тут нет. Это дерьмовое место, в котором собрались дерьмовые люди. Потому лучший для тебя выход – топать домой.

– Слушай. – В глазах Хлюпика полыхнуло так, что другой на моем месте вздрогнул бы, голос его звучал теперь холодно и резко. – Я плачу деньги. И мне плевать, кто и что тут думает. Мне нужен Монолит, и все. Если ты человек, помоги мне просто по-человечески.

– Нет тут человеческого, – буркнул я. – Дерьмо здесь одно. И я дерьмо.

– Тогда, – спокойно закончил Хлюпик, – бери деньги и веди куда просят.

Я стиснул челюсти до скрежета зубовного. Челюсть едва не свело судорогой. Пальцы сжались в кулаки, царапая ногтями ладони. Ей-богу, риторика – не мой конек. Самый простой выход из ситуации был двинуть Хлюпику в торец, чтоб отключился, и отволочь его к Сидоровичу, пока в себя не пришел.

– Хорош базарить, – вклинился Мунлайт. – Задрали. Пошли уже.

Он убрал ПДА, вскинул «Вал» и пошел в сторону от дороги.

– Куда? – не понял Хлюпик.

Меня этот вопрос интересовал не меньше.

– На еврейские вопросы армянское радио не отвечает, – отозвался Мун. – У тебя оно тоже пиликало.

Я вытащил свой ПДА и кинул взгляд на экран. Просьба о помощи была краткой и отчаянной. Такими записками в кино слезы из зрителей выжимают. Вот только я не впечатлительная киноманка и здесь не кино. Хлюпик пялился в мой наладонник через плечо. Интеллигенция драная, неужели не учили чужие письма не читать.

Мунлайт стоял в ожидании, пока я изучу депешу. Я поспешно сунул ПДА в карман.

– Это не мое дело, – покачал головой.

– Сука ты. Угрюмый, – фыркнул Мунлайт. – Сегодня их бандюки прижали, завтра тебя прижмут. Попросишь о помощи…

– Не попрошу, – перебил я. – Я никому не помогаю и никого ни о чем не прошу.

– Ну тя нах, – брезгливо отмахнулся Мунлайт и потрусил прочь, не оборачиваясь.

Да и хрен с ним. Выведу Хлюпика отсюда и один. Раз все всё знают, то толку от Муна мне никакого. Обойдусь.

– Идем, – повернулся я к Хлюпику.

– Куда? – отстранился тот.

– Прямо.

Препираться еще и с ним мне совсем не хотелось. Не дожидаясь ответа, я зашагал в сторону кордона. Пока можно еще немного идти по дороге. Потом либо обходить стороной блокпост, либо пихать взятку военным. Если правильно пихнуть, возьмут. Проверено.

Мысли были вполне трезвыми, но что-то тревожило. Что? Я прислушался к ощущениям внутри и окружающему снаружи. Сзади было тихо. Шаркающих шагов Хлюпика не было слышно. Вот что было не так.

Я обернулся. Хлюпика за спиной не было. И на дороге его не было. Его фигурка бежала в сторону от дороги и была уже довольно далеко. Далеко от меня. И далеко от Мунлайта, который успел учесать вообще невесть куда.

Все слова, которые пришли мне в этот момент в голову, были нецензурными. И я от души выматерился. И если кто спросит, о чем я тогда думал, объяснить я не смогу. Риторика – не мой конек.

Перехватив автомат поудобнее и не переставая ругаться себе под нос, я пошел обратно. Очень быстро. Почти бегом. Почти, ведь в зоне не бегают.

8

Вопли о помощи шли от брошенного ангара. Того самого, возле которого я еще вчера столкнулся с Хрипатым. Место довольно гадостное, хотя где это в зоне другие места? Ангар отличался тем, что не принадлежал никому. А по старым допотопным законам моего советского младенчества все то, что не принадлежит никому, принадлежит всем. В оригинале, правда, наоборот, но от перестановки мест слагаемых…

Короче говоря, в ангаре периодически зависали все, кому не лень. Одиночки-сталкеры, группы сталкеров, бандиты. Периодически сюда наведывались и вояки, когда стрельба у ангара превышала критический предел децибел и становилась более чем заметной.

А стреляли здесь всегда. Дня не проходило, чтобы возле ангара не завязывалась какая-нибудь заваруха.

Когда я догнал Хлюпика, тот уже достиг забора, огораживающего ангар, и чесал вдоль него направо. Мунлайт, за которым он туда перся, благополучно исчез за углом, откуда неслись выстрелы.

Догнал я его вовремя. В полутора десятках шагов от него знакомо дрожал воздух. Если б у меня или у него был датчик аномалий, он бы уже захлебнулся истеричным писком. Только мне датчик не нужен. Я шесть лет зону топчу, он у меня уже встроенный. А Хлюпик… Ну, откуда у Хлюпика датчик?

– Стой, – рявкнул я.

Каким бы строптивым он ни был, а послушался мгновенно. Не то мозги сработали, не то эффект неожиданности.

– И, если хочешь жить, не двигайся.

– А что? – насторожился он.

Я подошел сзади, молча повернул его башкой в нужном направлении и ткнул пальцем в сторону аномалии.

Хлюпик вздрогнул. Проняло наконец. Ничего, в другой раз не полезет куда не просят без моего разрешения.

– Это что?

Задержись тут Мунлайт, непременно сказал бы ему что-нибудь эпохальное, вроде: «Сунь пальчик, будет зайчик».

– Это аномалия? – забормотал Хлюпик. – А как же Мунлайт прошел?

– Обошел. Иди за мной.

Я развернулся и пошел вдоль забора влево. Хлюпик шкандыбал сзади.

– А как же…

– Там есть другие ворота, – не дал я закончить вопрос.

– Но Мунлайт… – снова попытался он.

Не стоило ему меня доставать. Я остановился, развернулся и коротким справа засадил ему в ухо. От неожиданности парень отшатнулся, не удержался на ногах и полетел на землю, по дороге шкрябнувшись виском о бетон забора.

– Если хочешь, – холодно сообщил я, – можешь бежать за ним, влетать в гравитационную аномалию. Это ее так по-научному зовут. Но тебе это все будет уже до лампы. Тебя порвет на запчасти, а я со спокойной совестью пойду выпью водочки и лягу спать. Усек?

Он сидел на земле и зло зыркал на меня, держась за ухо. Оглушил его мой удар, что ли? Хотя, если по видимым последствиям судить, виском по забору он проехался сильнее, чем от меня схлопотал.

– Усек, – сердито отозвался Хлюпик.

Я протянул ему руку. Он покосился на нее, но помощью не воспользовался. Поднялся сам. Выглядел он теперь еще хуже, чем утром. Штаны в грязи, куртка в белых от забора разводах, на виске кровавая ссадина.

– Пистолет где? – спросил я.

Хлюпик сунул руку за пояс, злобно-обиженную гримасу с его лица сдуло в одно мгновение. Вид у парня сделался растерянным и несчастным.

– Потерял, – пробормотал он. Твою мать! Вояка.

– Исусик, – фыркнул я. – Чип и Дейл спешат на помощь. И чем ты тут помочь собирался без оружия? Помощничек.

Он окончательно стушевался. Я вынул БП, снял с предохранителя и протянул Хлюпику.

– Пользоваться умеешь?

– В тире стрелял, – промямлил он. – В парке Горького.

Зашибись! Я посмотрел на его несчастную рожу и сдержался от вертящейся на языке тирады.

Я перевел «калаша» на одиночные и заскользил вдоль забора. Хлюпик поспешал за мной, стараясь идти тихо, насколько это было в его силах.

– Держись рядом. Не высовывайся. Из-за моей спины не стреляй. Цепанешь меня – пристрелю на месте.

Я остановился и оглянулся. Парень преданно смотрел мне в глаза. Кокер-спаниель, едренать!

– И если потеряешь этот, считай себя покойником, – безжалостно припечатал я, кивнув на любимый БП.

Их было двое. Стрельба постепенно перемещалась на тот край ангара, от которого я уводил своего безбашенного спасателя. А здесь, у ворот, осталось всего два урода. Не знаю, оставляли их на стреме или в арьергарде, так или иначе оба чувствовали себя явно в безопасности. Расслабились. А расслабляться в зоне нельзя. Не знают этого только новички-дурачки. Знают и игнорируют новички-фраера. И те, и другие долго не живут.

Пригляделся. Один с укороченным «калашкиным», второй – с МР-5. Паршивый автоматик. Полностью соответствует своей гадской кликухе – «Гадюка». Впрочем, чтобы его так называли, я лично слышал только здесь, в зоне. Кто придумал гадскому автомату это гадючное погоняло?

Я отклонился от угла забора и пихнул Хлюпика. Тот открыл было рот, но демонстрация моего кулака оказалась достаточно красноречивой, чтобы отбить желание трепать языком. Это хорошо. Обойдемся без слов.

Указательным пальцем ткнул ему в грудь, после указал на трубу. Хоть и без слов, но достаточно вразумительно. Не понял бы только олигофрен. Хлюпик дауном не был.

Наблюдать, как он ползет к трубе, оттопырив задницу, было смешно. Хотя человек в здравом уме в подобной ситуации даже не подумал бы искать что-то смешное. Но то обычный человек в обычном мире. А тут – зона. Чувство юмора у сталкеров сродни черному юморку ментов и патологоанатомов.

Хлюпик дополз до трубы, распластался и оглянулся. Осторожно, не поднимая головы. Знаков он не подавал, но на роже было написано: «Дальше что?»

Хорошая игра – молчанка. Чем меньше слов, тем больше понимания. Вот дашь один раз по морде, и все ясно. А говоришь полчаса, и, кроме нервотрепки, никакого толку.

Я опустился на землю и по-пластунски двинул к трубе. Добравшись до Хлюпика, повернулся и молча выставил руку ладонью вперед. Стоп. Парень дотумкал, что лезть за мной ему не надо. Во всяком случае, когда я оглянулся, откатившись чуть в сторону, он покорно валялся там, где я его и оставил. Вот и славно. Я вынырнул из лямок, бросив рюкзак там же, рядом с Хлюпиком, и заработал руками.

Земля размокла. Под брюхом чавкало мерзкой холодной грязной кашей. Ползать во всем этом – удовольствие ниже среднего. И кой черт меня сюда понес? И зачем? То есть за чем – понятно, за Хлюпиком. Только кто мне этот Хлюпик? Никто. И в честь чего я решил его отсюда вытаскивать и душеспасением заниматься? Меня никто не спасает. На меня всем насрать. И Хлюпику этому, такому человечному, тоже. И он для меня никто, и я для него никто. Он меня и за человека-то не держит. Он сюда, как на базар, за проводником пришел. И Угрюмый для него – товар. Сторговался по сходной цене – и вперед. Не сторговался, сразу гонор показывать. Дескать, какого рожна ты, Угрюмый, из себя человечка корчишь, решаешь чего-то? Тебе, Угрюмый, платят, вот и пляши, как дудят. А твое человеческое всем до одного места. Дерьмо!

Труба кончилась. Я осторожно высунулся, кувыркнулся за бетонные блоки. Снова высунулся. Не заметили. Не ждут они здесь никого, тем более меня.

Я приподнялся и на полусогнутых затрусил дальше. Прячась за бетонными блоками, трубами и кустами, обогнул пятачок, на котором вчера пристрелил Хрипатого. Когда добрался до дальнего края полянки и присел за деревом, сердце уже готово было проломить ребра.

Осторожно высунул нос из-за дерева. Хотя можно было уже не прятаться. Трубы и бетонные блоки остались по правую руку. Где-то там далеко впереди и справа притаился Хлюпик. Прямо передо мной метрах в трехстах был забор. А по левую руку в этом заборе были ворота к ангару. И около ворот оставались два колдыря. Только ни им меня, ни мне их видно не было. Между нами возвышались брошенные здесь невесть кем неизвестно когда сцепленные между собой вагоны. От рельсов с вагонами слева меня отделяла теперь узкая дорожка.

Встав в полный рост, я неслышно метнулся к составу. Обогнув его, заскользил вдоль вагонов с другой стороны.

Я подкрался к ним почти вплотную. Я видел их. Они меня нет, а я их видел. И они были беспечны. А это смерть. Зона беспечности не прощает, и мы с ней в этом солидарны.

А дальше все было хладнокровно, на автомате. «Калашников» – на одиночные. Левой перехватить автомат на изготовку, поудобнее. Хотя левой всегда неудобно. Но нож я левой руке не доверю.

Правая легко скользнула на пояс, расстегнула ножны. Пальцы стиснулись на прорезиненной рукояти. Я потянул нож, и тот легко вышел из ножен. Скорее по инерции взвесив его на руке, я подкинул клинок, перехватывая удобнее.

Глубокий вдох. Раз, два…

Три! Повинуясь собственной беззвучной команде, я выскочил из-за вагона и метнул нож. Лезвие сверкнуло и ударило точно в цель. Тот, что был с МР-5, дернулся. Левая его метнулась к горлу, стиснула воздух, так отчего-то и не дотянув до рукояти. А вот автомат из правой он так и не выпустил. И хотя МР-5 ткнулся носом в землю, палец ее хозяина заклинило на спуске. Автомат задергался, давая длинную очередь и уводя за собой мертвого уже хозяина. Тот повалился на землю. МР-5 в его руке умолк. И хотя вся очередь ушла в грунт, укусить эта змея успела.

Второй бандит, стоявший ко мне спиной, метнулся в сторону. Разворачиваясь, дал короткую из «калаша».

Все это произошло настолько молниеносно, что выстрелить я не успел. Надо тренировать левую. Сколько раз зарекался. Первый раз еще в школе. Тогда хотел научиться писать левой так же, как и правой. Тело на рефлексах понеслось в сторону и вниз. Я рухнул на землю. Перехватил автомат уже обеими руками и выстрелил. Но было слишком поздно.

Хозяин укороченного «калаша», в отличие от хозяина МР-5 оказался проворнее, а может, удачливее. Так или иначе, он успел отбежать за прикрытую проржавевшую воротину.

Как лежал, я перекатился обратно к вагону. Плечо уперлось в рельс. Я взял створку ворот на мушку. Пусть только высунется. Второго шанса сбежать я ему

не дам. Если только он по-прежнему сидит за створкой ворот, а не бежит сейчас по внутренней территории к своим.

Выстрелы и крики с дальнего конца ангара стали громче и интенсивнее. Неужели и впрямь к своим дернул. В груди екнуло – вдруг я ошибался. Но уже в следующую секунду я понял, что расчет был верным и мой противник все еще тут. Что-то мелькнуло на высоте человеческого роста, а потом метнулось в сторону. Я выстрелил. Возникший в проеме между створок ворот ящик брызнул щепой и, сменив траекторию, полетел назад и вниз. А там внизу от одной створки к другой покатился враг, выпуская очередь из автомата.

Я прижался к рельсу. Сверху задребезжало металлом по стенке вагона. Неприятный звук. Я приподнялся на локте. Противник промазал – это плюс. Но опять ушел – это минус. И упустил его сталкер Угрюмый, который полминуты назад обещал себе не дать противнику ни единого шанса. Вот тебе мудрость – не хвались, на рать идучи. Будь здесь Мунлайт, наверняка бы хихикнул и добавил: «А хвались, идучи срати». Только Муна здесь не было. Он был где-то по другую сторону ангара. Если жив еще.

Противник снова показался из-за створки. На этот раз он решил быть агрессивнее и начал с очереди из «калаша». Пропустив ее над головой, я выстрелил на опережение, но дернувшийся было вперед ублюдок вернулся обратно за правую створку.

Гранату бы. Вот только нет гранаты. Звякнуло металлом по металлу. Я рефлекторно вжался в землю. В следующую секунду пришло понимание, что выстрел был чересчур тихий, одиночный и не в мою сторону, а… Вторая пуля шкрябнулась по створке, за которой притаился мой счастливый обладатель короткого «калахана». Я повернул голову. К воротам, совершенно не таясь, вдоль бетонной стены забора перся Хлюпик. На плече его болтался мой полупустой рюкзак, а в правой он держал БП. По-идиотски держал, на вытянутой прямой руке.

Твою мать. В парке Горького, значит…

Третья пуля из БП шваркнула по ржавому железу. Не знаю, сыграло ли это какую-то роль или мой супротивник просто сглупил…

Он снова появился в трехметровом зазоре между створками. Причем на этот раз рванулся без пугалок, швыряния ящиками и стрельбы. Я нажал на спуск. Чавкнуло. Он кувыркнулся на землю, лицом вниз. Впрочем, как он пропахал носом землю, я уже не видел – это было за левой створкой. Но оставшиеся торчать в проеме ноги, замершие без движения, говорили о многом.

Я поднялся и направился к трупу с МР-5. Шарить по карманам я сейчас не собирался. Не до того. А вот нож свой забрать не мешало бы.

Хлюпик был еще далеко. Шел не таясь, как у себя дома. Идиот. Я повернулся к нему спиной, закрывая собой мертвое тело, и выдернул нож из горла трупа. Тело дернулось назад, когда лезвие освободилось. Перевернув труп на бок, я обтер клинок о куртку мертвяка. Нож убирал уже на ходу, торопясь подальше отойти от мертвого тела. Устраивать Хлюпику с трупаком смотрины в мои планы не входило. Черт знает, как он на него отреагирует. В смысле Хлюпик на трупака. У мертвяка-то теперь на все одна реакция.

– Зачем приперся? – сердито спросил я.

– Подумал, помощь нужна, – отозвался он, тревожно вслушиваясь в отдаленную стрельбу и крики.

– Помощи от тебя, – фыркнул я. – Стрелок из парка Горького.

– Что, совсем плохо?

Я сдернул с него свой рюкзак. Плохо… Дать бы тебе по башке, чтоб слушал, чего говорят.

– Руку прямой не держи. Чуть в локте сгибай.

Я продемонстрировал ему слегка согнутую в локте руку.

– Левую под запястье правой.

– Зачем?

– Чтоб упор был. И не трать патроны зря. Чего ты по воротам стрелял?

– Думал, вдруг пробьет. Они же ржавые… Пробьет. Ага. Нашел себе гаубицу, стальные листы насквозь шить. Это ж не калитка от садового участка. Нормальные советские ворота. На века.

– А потом, это, наверное, страшно, – добавил он как-то отстраненно. – Ты сидишь за воротами, а по ним стреляют. Неизвестно кто… неизвестно откуда.

Психологическая атака. А Хлюпик мой – генерал Капель. Не иначе.

– Пошли, – распорядился я. – Вперед не лезь. Ствол наготове. Когда я впереди, не стрелять. Шмальнешь, когда я на линии огня буду, и это будет последнее, что ты сделаешь в своей жизни.

9

Между воротами и ангаром было чисто. Стрельба шла внутри. Причем с другой стороны от нас. Хлюпик ежился у меня за спиной. Бесстрашный спасатель никак испужался. С чего бы вдруг… Ах да, труп у ворот валялся. До того все на игру было похоже, а сейчас покойника увидел, и все мысли о том, что здесь как на площадке для страйкбола, закончились. Ничего, это ты еще зону не видел, салага.

А может, и хорошо, что сюда сунулся. Глядишь, бредни про Монолит из головы выкинет. Если отсюда живым уйдет.

Я прижался к груде ящиков. Жестом велел Хлюпику оставаться на месте. Взгляд забегал по окрестностям в поисках другого укрытия. Выбрав, за чем бы спрятаться, я быстро пересек открытое пространство. Никого.

Хлюпик подался было вперед, но я остановил его жестом. Пусть ждет. Нечего ему пока вперед лезть. Подобное пренебрежение явно не вызвало у него восторга, но настроения Хлюпика меня сейчас трогали в последнюю очередь.

В ритме вальса я задвигался от одного сомнительного укрытия до другого. Расстояние от ворот до входа в ангар было не таким маленьким. Особенно если из-за каждого угла ждешь выскакивающего упыря при оружии.

На удивление, больше здесь никого не было. Тылы и в самом деле прикрывали два притырка, так и не разжившиеся за свою недолгую безрадостную жизнь серым веществом.

Последний рывок, и я оказался возле дверей ангара. Внутри было темно. По другую сторону огромного помещения шла ожесточенная перестрелка. А ведь сталкеры, схлестнувшиеся с бандитами и просившие о помощи, тоже не шибко умные. Кто мешал разделиться на две группы и одной держать позицию, а второй обойти кругом и пострелять бандюков в спину? Просто вселенское скудоумие. И кой черт меня сюда принес? Двое дерутся, третий не мешает. Тем более зачем лезть в драку и спасать одних идиотов от других. Идиоты все равно долго не живут.

Прижавшись к стене, я скользнул внутрь. Хоть за выстрелами, приправленными трехэтажной матерщиной, и не слышно, старался двигаться тихо. Обходить проще левой стороной. Справа окна. Какой-никакой, а источник света.

Шаги выходили практически беззвучными. Главное, ни во что не вляпаться. И в проеме не светиться. Потому я придерживался стены. Аномалий не боялся. Если здесь прошла и схлестнулась такая толпа, значит, чисто. В противном случае следы контакта человека с аномалией уже были бы заметны.

Стараясь следить за тем, что под ногами, я чуть не нарвался на него. Он сидел в нескольких шагах от меня за контейнером и вылавливал кого-то в прицел. Выдавать свое присутствие сейчас в мои планы не входило, и я отшатнулся в сторону.

Он не заметил. Не успел. Вот только теперь нас разделял один контейнер, а про остальных бойцов, которые были сейчас врагами, и их местонахождении я ничего не знал. Отступать? Смысл ходить туда-сюда. Зайти со спины и кончить его. Да, пожалуй. Только если рядом окажется еще пара-тройка друзей моей жертвы, то покойником стану я. Угрюмый вам не супермен, чтоб рубить всех в мелкий винегрет. Значит, нужно знать точно месторасположение противника.

ПДА я выключил еще на подходе к ангару. Выключенный наладонник – лучшая маскировка. Включу его сейчас и сразу стану всем заметен. Это минус. Но есть и плюс. Я увижу всех, кто есть в ангаре.

Решение пришло само собой. Кто не рискует, тот не пьет шампанское. Привалившись спиной к холодному металлическому боку контейнера, я правой взял на изготовку автомат. Левая нырнула в карман. Управляться с ПДА одной рукой я наловчился давным-давно. Это только поначалу кажется сложным. С практикой хитрая наука становится довольно простым навыком.

Засветился экран. Я включил карту, оценивая ситуацию. Позитивно. Силы теперь уже примерно равны. Мунлайт еще жив. А с той стороны контейнера всего один человек. Повезло…

Вот сколько раз зарекался не произносить это слово в зоне. Везение кончилось в ту же секунду, когда в голову пришла крамольная мысль. Сперва чуть затихли выстрелы, и практически одновременно с этим запищал новым сообщением ПДА.

Можно было надеяться, что этого писка никто не услышал, вот только чувак по ту сторону контейнера вряд ли был глухим. Я поднялся на ноги и спиной начал отступать к предыдущему контейнеру, что остался позади.

Все остальное делалось уже на ходу. Прежде чем вырубить предательский наладонник, я кинул беглый взгляд на экран. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы ухватить смысл короткого сообщения.

Твою мать! Пальцы сделались непослушными. В кнопку выключения попал со второго раза, а ПДА в карман упихал и вовсе с третьего. Движения стали нервными, неточными, а это раздражало, от чего нервов поприбавилось. Спокойствие, только спокойствие, как говорил один персонаж одного мульта, застрявшего в голове еще в глубоком детстве. Глубокий вдох. Раз, два, три…

Я отступил за контейнер как раз вовремя. Секунда – и по железному углу моего укрытия прошла очередь. Как раз там, где только что стоял. Не поворачиваясь к врагу спиной, я продолжал пятиться, чувствуя себя крабом. Во всяком случае, драпал я задом наперед с той же поспешностью и глазами по сторонам шнырял, только в путь.

Убегать не стыдно. Если кто-то считает это трусостью, пусть утрется. Стыдно проигрывать поединок. А двигаться во время поединка не зазорно в любых направлениях. Это еще партизаны доказали лет двести с лишним назад, воюя в российских лесах с французами, плюя на все правила ведения войны с высокой колокольни. А для того, чтобы выиграть в этой стычке, сейчас надо было бежать.

Я дал короткую очередь, ни в кого не целясь. Так, для острастки. В ответ робко затрещало, но так же поспешно захлебнулось. Только теперь я позволил себе развернуться и побежать. На ходу вытащил ПДА. Включил. Мельком глянул на карту. За мной двигались двое. Но делали это не спеша, с опаской. Это правильно. Боятся – значит уважают.

Уже почти у самого выхода я притормозил и оттарабанил короткое сообщение Мунлайту. В одно слово: «Уходи!» Наладонник пискнул, сообщая о доставке. И я выбежал на свежий воздух.

Стоило только мне появиться в проеме входа, как изнутри ангара застрекотали автоматы преследователей. А чего еще ждать? По силуэту на свету из темного помещения не стрелять – грех.

Дав очередь по одной из вспышек в темноте, кинулся на землю. Попасть я не рассчитывал. Да и наивно было предполагать, что я в кого-то попаду. Только если по очень большой дури с очень большим везением. Рассчитывать на дурь и везение не по мне.

Упал, перекатился. Из темноты ангара снова застрекотало. Слева. Затем справа. И еще раз слева, но уже ближе. Ничего, братцы-кролики, недолго вам осталось. Я отполз за ящики. Выбрал следующий перевалочный пункт и дал деру.

Стрельбы больше не было. Скорее всего, меня сейчас не видели. Этим надо пользоваться и быстрее уходить, пока те двое не вышли из ангара. Словно прима-балерина, я начал вытанцовывать от одной точки к другой.

В зоне много мест, где абсолютно посторонние предметы раскиданы в совершенно непредсказуемом порядке. Я не про глубины зоны, где всякая нечисть, вроде бюреров, выстраивает из всяческого мусора алтари. И не про лабиринты, натасканные хитрозадыми кровососами. Хотя и говорят, что у кровососов интеллект отсутствует, но я слышал про них разные истории, и

некоторые известный тезис опровергали. Но я не об этом. Я о менее диких местах. Вот у того же ангара чего только не валяется. Трудно сказать, когда это побросали, в 86-м после первого взрыва, или в новом веке после второго, но люди бежали отсюда, побросав все. Иногда подобная небрежность спасала жизнь, давая укрытие в самом неожиданном месте. Правда, иногда не тебе, тогда для тебя в самом неожиданном месте обнаруживалась очаровательная засада. И это не исключение – правило. Помимо честных сталкеров, честность которых тоже весьма относительна, здесь полно всякого отребья.

Хлюпик ждал там, где его и оставили, но выглядел паршиво. Словно собака, которую хозяин посадил на цепь и ушел неизвестно куда. Разве что не скулил с тоски.

– Что там?

– Уходим.

Я прошел мимо. Обернулся. Он смотрел на меня насупившись, но с места не сдвинулся.

– Я пришел сюда не для того, чтобы уходить. Мы же на помощь шли.

Ответить ему не успел. Краем глаза уловил движение за дальней баррикадой из ящиков. Тело, повинуясь рефлексам, дернулось вперед прежде, чем мозг успел до конца осознать причину. Схватив Хлюпика за плечи, я буквально завалил его за ящик, уходя с линии огня. Вовремя.

На этот раз очередь была длинной. Противник был уверен, что застал нас врасплох. Дудки. Перебьется.

Хлюпика трясло. Он смотрел на меня выпученными глазами и молча открывал и закрывал рот. Помощничек. Одно слово – хлюпик. И какого ж я за ним сюда поперся!

Присев на колено, я высунулся из-за ящика и дал очередь в ответ. А то слишком самоуверенно поперли, пусть знают, что они не охотники, а тут не безмозглая жертва.

– Цел?

Хлюпик кивнул.

– Через пять-десять минут здесь будут военные. Они сюда в стрелялки играть не полезут. С вертолетов все распашут, остальных потом добьют. Хочешь жить – уходим. Нет – хрен с тобой.

Я еще раз отклонился в сторону и дал очередь. Так, на всякий случай, и чтоб припугнуть малость. И бандитов, и Хлюпика. Да, давно так бездарно патроны не тратил.

– Бежишь до ворот. Уходишь за левую створку. Я прикрою. Дальше ждешь. Без меня ни шагу.

Я поднялся в полный рост и кивнул: – Ну!

Рык возымел-таки действие. Плохо соображающий Хлюпик на полусогнутых потрусил к воротам. Я высунулся из укрытия, но реакции с той стороны не последовало. Обходят, что ли.

Я обернулся. Хлюпик доковылял до ворот и скрылся за ржавой створкой, которую еще недавно глупо расстреливал из пистолета. Теперь и мне пора.

Сердце колотилось с маниакальным упорством, хотя особых физнагрузок я ему не устраивал. Нервишки, Угрюмый, нервишки. Глубокий вдох. Раз, два… три!

Я взял высокий старт и побежал к воротам. В проеме между створками задержался и дал прощальную очередь. Мимо Хлюпика промчался, уже снижая скорость.

– За мной, – бросил не оглядываясь. – След в след.

– Х-хорошо, – как-то странно заикнулось сзади. Не прошло и года, он послушался. Не иначе слепые собаки в зоне передохли.

Полянку, на которой за последние сутки мне довелось стрелять дважды, я пересек быстрым шагом. Дальше пришлось идти осторожнее.

– А Мунлайт? – донеслось сзади. – Мы его бросили?

Кажется, Хлюпик начал приходить в себя.

– Не бросили. Я ему написал, чтоб уходил, – буркнул я.

Надоело все объяснять. Чувствую себя не то как оправдывающийся в чем-то, не то как нянька в детском саду. И то, и другое ощущение не из приятных.

– А если он не уйдет? – Вот упертый.

– Значит, дурак, – бросил я.

– Но…

Я остановился и резко обернулся. Хлюпик по инерции чуть не ткнулся мне носом в грудь.

– Еще одно «но» или «если», – вкрадчиво произнес я, – и я тебя убью. Ты понял? Есть что сказать по делу, говори. Нет – не загаживай эфир.

Он кивнул. Я посмотрел ему в глаза. Большие, глубокие. И лицо с тонкими интеллигентными чертами. И выражение на лице… Нет, он не боялся. Его оглушило непривычной обстановкой, он растерялся, он робел меня. Но страха в нем не было ни капли. Так и не решив, злиться дури или завидовать бесстрашию, я пошел дальше.

* * *

В расчетах я ошибся. Прошло меньше десяти минут, хотя, когда я говорил Хлюпику про пять-десять, рассчитывал на запас в десять-пятнадцать. Сначала вдалеке послышался знакомый рокот. Нарос, вошел в силу, пока не обнаружил свой источник двумя приближающимися вертолетами.

Здесь вертолетов я не боялся. Во-первых, за деревьями нас не видно. Во-вторых, два дурака не такая интересная мишень, как два десятка дураков. Хотя ловил я как-то волну скучающих военных. Судя по разговорам, погонять глупого сталкера и расстрелять его с вертолета – развлекуха для них будничная. Так что, когда вертолеты пролетали над головой, я остановился. Зачем лишний раз отсвечивать?

Машины, посветив матовыми крашеными днищами, прошли в сторону ангара. Сейчас начнется. Шагов через двадцать сзади донеслись звуки «зачистки». Усмехнувшись собственной проницательности, я прибавил ходу.

Но далеко мы уйти не смогли. Сглазил я свою удачу на сегодня. Впереди неторопливо шли трое военных. Они не спешили, перекидывались шуточками, судя по смешкам, потому что разобрать слова с такого расстояния было невозможно.

Я остановился, пригляделся. В поле зрения появились еще двое. Потом еще… На седьмом я перестал считать и ринулся назад со всей возможной прытью. Хлюпик некстати оказался под ногами.

– Назад, – жутким шепотом скомандовал я ему.

На этот раз обошлось без препирательств и вопросов. Хлюпик повиновался, отступил, пропуская меня вперед, и засеменил рядом.

Лезть в драку с семью военными, а их, может, и больше, да еще пара вертолетов, бесполезно. Тогда уж проще сразу застрелиться. Подкупить кого в полевых условиях тоже нереально. Это на блокпосту можно взятку пихнуть в свободно конвертируемой валюте. Здесь боевые действия, никто даже близко меня не подпустит. Шарахнут сразу на поражение. Куда деваться? Обратно к ангару? Самоубийство.

Выход был только один. Правда, он тоже походил на самоубийство, но другого все равно нет.

– Быстрее, – поторопил я Хлюпика, увеличивая скорость.

Чего-то меня на слова потянуло, хоть он и не отставал. Нервы. Я глубоко вдохнул.

Шагов через пятьдесят свернул в сторону и нырнул в кусты. Хлюпик, как и было велено, топал за мной след в след. Невидимый за кустами провал открытого люка зиял черной дырой. Я опустился на колени, глянул в пахнущую гнилью темень.

Как соединялись здесь между собой подземные коммуникации, не знал, наверное, никто. Отдельные герои составляли карты каких-то фрагментов. И только.

Ржаво-коричневая крышка валялась рядом. Кто и когда последний раз спускался в этот люк?

Хлюпик глядел на меня завороженно. Я отпрянул от провала люка и кивнул ему на зияющий чернотой колодец.

– Лезь.

Парень поежился. – А ты?

– Я следом.

Хлюпик помялся. Пихнув за пояс пистолет, который все это время стискивал в руке, как утопающий соломину, полез вниз. Я догадывался, что это будет шумно, но не думал, что настолько. Каждая ступенька несчастной вертикальной лестницы лязгала под его небогатым весом, словно бы по ней полз не один, а десяток Хлюпиков. Наконец снизу влажно чавкнуло.

Он добрался до земли, и там мокро. С этой сногсшибательной мыслью я полез в колодец. Когда макушка моя поравнялась с краем люка, в голову пришла идиотская мысль: «Надо закрыть за собой люк».

Впрочем, она пропала так же молниеносно, как и пришла. Колодезная крышка весит столько, что мне ее и до люка не дотащить. А если и дотащу, то при попытке прикрыть ее за собой без пальцев останусь – к гадалке не ходи. Да и не

найдет нас тут никто, а если и найдут, то в люк не полезут. Разве что дадут пару очередей вслед, коли патронов много.

Кружок открытого люка уменьшился далеко наверху. Хотя я старался на него не смотреть. Глядел вниз.

Света совсем не осталось. В кромешной темноте было жутко. Хватаясь по очереди то одной, то другой рукой за шершавые прутья ступенек, я спускался все ниже, пока задница не уперлась во что-то твердое… подвижное… Сдавленно ойкнул Хлюпик, и твердое-подвижное отодвинулось в сторону.

– Ты можешь под ногами не путаться? – сердито спросил я у темноты.

– Извините, – отозвалось тошнотворно интеллигентное.

10

Я сидел на корточках на голом бетонном полу колодца. Спиной прислонился к стене, голову запрокинул, глаза закрыл. Вокруг было тихо. Только вода под ногами журчала, спускаясь с правой стороны коридора и убегая в левую. Ручеек оказался мелким, не доставал и до шнуровки ботинка, но раскинулся чуть ли не на всю площадь подземного коридора.

Темнота. Тишина. Вода журчит. Мысли идут неспешно, спокойно. Мышца на руке перестала дергаться. Красота. Может, это и есть моя мечта? Тишина и покой? Вот сейчас засну и никогда больше не проснусь. Тело так и останется сидеть у стены угрюмым монументом, потом усохнет. Со временем тлен и остатки разложения унесет вода, смоет, как все гадкое и гнилое, что было в моей жизни. Останется только скелет. Стержень. Он будет худ, крепок и непоколебим. И он будет угрюмо таращиться пустыми глазницами в противоположную стену, словно пытаясь найти там смысл бытия. А смысл, как всегда, укроется. Зато эти уставившиеся в стену кости будут полностью соответствовать моему погонялу.

Но самое главное, что все это останется здесь, среди сумасшедшей зоны, сумасбродного мира. А я буду где-то или нигде не буду. Но мне будет тихо и

спокойно.

– Кхе-кхе…

Как же! Будет мне тихо и спокойно. Размечтался!

Я открыл глаза. Хлюпик покорно сидел рядом и играл фонарем, который я вручил ему первым делом, как спустился вниз. Фонарь – не пистолет. С ним, пожалуй, немного безопаснее.

Лучик фонарика вяло гулял по стенам, но Хлюпику явно было скучно. Он напоминал сейчас ребенка, которому взрослые обещали поиграть, но вместо этого сунули игрушку, а сами уселись скучные разговоры разговаривать. А ребенок, наигравшись с игрушкой, с которой и играть-то не хотел, не выдержал и решил привлечь к себе внимание единственным доступным, хоть и наивным, способом.

Реакция была столь же наивной и предсказуемой, как у того ребенка. Стоило мне только чуть пошевелиться, это уже было воспринято как интерес к его персоне.

– Угрюмый? – У?

– А откуда ты знал про военных? Хороший вопрос. По делу. Ладно…

– У меня есть свои источники информации, – уклончиво ответил я, – причем им можно верить.

– По дружбе?

– За деньги. Любой друг может предать. Человек, которому платят, может только продать. Потому я плачу так, чтобы не было желания продаться кому-то еще. Друзьям я не верю. У меня их нет.

– А Мунлайт?

Я скосился на него. Он смотрел на меня с неподдельным интересом.

– Мунлайт просто человек, которого я знаю и который знает меня. Все. Я ему ничего не должен, он мне ничем не обязан. И нам обоим друг на друга наплевать по большому счету.

– А есть кто-то, на кого не наплевать?

– Я уже сказал, – бросил я. – У меня нет друзей. Вообще.

Хлюпик насупился. Не то решил, что я его обманываю, не то еще что.

– Так не бывает. У каждого человека есть друг. Хоть один. Друзей не бывает много. Но совсем без друзей ни один человек не может…

Ни один человек? Я рассмеялся. Хлюпик посмотрел на меня с обидой, но я уже не мог остановиться. Обида на утонченном лице московского интеллигента, у которого дедушка за какие-то неведомые заслуги схлопотал квартиру в сталинской высотке, сменилась непониманием. Затем физиономия Хлюпика приняла опасливое выражение. Он чуть отстранился и бросил на меня косой взгляд.

Я перестал смеяться. Резко. Внезапно нахлынувшее веселье, как выключили. От этого мой спутник отодвинулся уже основательнее.

– Я не человек, понимаешь? Я не нормальный человек. Здесь зона. Здесь нет нормальных людей. Здесь вообще нет людей. Только полное отребье и взматеревшие малость бродяги. Ни у кого из них нет ничего человеческого. Злость, грязь, жажда наживы. В лучшем случае свой интерес.

Он смотрел на меня слегка ошарашенно, как будто я сошел с ума, а он впервые попал в одну комнату с сумасшедшим и не знал, что делать. Только понимал инстинктивно, что что-то, наверное, делать надо.

– Знаешь, те кто в зоне, они вне закона, – продолжал я. – Военные имеют право их отстреливать. Нас отстреливать. Думаешь, они стреляют сразу наповал? Нет. Они не экономят патроны, они изгаляются. Попал к военным и пристрелили сразу – считай, повезло. Так бывает, только если у них времени нет. А если им скучно и они не спешат… Эти люди охраняют зону. Они и зоны-то не видели

толком. А в зоне… Знаешь, что такое отмычка?

– Ключик такой? – робко пожал плечами Хлюпик.

– Ага. Ключик. Открывает любую дверь. Вот иду я в зону. Не по свалке гулять, а по-серьезному. Беру с собой человек пять новичков, обещаю им процент от гонорара за наш поход. Вот они и есть мои отмычки. Не всякую аномалию определишь, понимаешь. Есть известные, часто встречающиеся. А есть такие, которые и не увидишь сразу. Разве что почувствуешь смутно. Вот тогда в ход идут отмычки. Отправляешь отмычку вперед и смотришь. Если аномалия была, то одной отмычкой меньше, и дальше пошли. Потому отмычкам и обещают хорошие деньги, что из них редко кто возвращается. Они – мясо на убой. А ведь тоже люди…

Хлюпик набычился. Брови сошлись на переносице, видом он напоминал тощую нахохлившуюся птицу.

– Ты обо всем этом задумываешься?

Хотел бы я соврать. Сказать «нет» и поверить, что это правда.

– Значит ты человек. В тебе больше человеческого, чем ты думаешь.

– Нет здесь людей, – покачал я головой. – Сволочи одни. Дерьмовое место, дерьмовые люди. И я не человек.

– А кто ты?

Кто я? Дерьмо я…

…Дерьмо я. Так я и думал тогда. А что я еще мог думать, выйдя после пяти лет и наткнувшись на опечатанную дверь? Хотел содрать опечатку, рука дрогнула.

Словно, содрав бумажку с казенным штампом, я нарушу что-то тонкое, едва уловимое.

Я провел по двери квартиры, в которой прошло мое детство, ладонью. Дверь осталась все та же. Соседи вставляли новомодные металлические с красивой обивкой. А у мамы оставалась та самая старая хлипкая дверка, изнутри обитая дерматином, а снаружи обтянутая какой-то странной клеенчатой пленкой с рисунком под дерево, какой когда-то оклеивали все двери. Мама считала, что дверь и замок менять незачем. Двери от честных людей.

Теперь я стоял перед старенькой дверью, за которой опечатали мое детство. Пальцы, едва касаясь, прошлись по двери.

Я так и не смог войти. Пошел к тете Нине, соседке. Она тоже была старенькая. Она и в детстве казалась старой. Потом только понял, что женщина в двадцать восемь совсем не глубокая старуха. Сейчас ей было около шестидесяти.

Когда открыла дверь, руки были мокрыми. Она терла их кухонным полотенцем.

– Митя!

Полотенце заходило ходуном, а потом принялось вытирать насухо и без того уже сухие руки. Тетя Нина плакала. И мне пришлось говорить ей какую-то глупую банальность, чтобы она успокоилась. Успокоилась и рассказала, что мама ждала, но не дождалась совсем чуть-чуть. От чего умерла? Сердце не выдержало. Давно? Полтора месяца, как схоронили.

Дерьмо я. Ведь это я ее убил. Ментами, судом, своей отсидкой. Кому я что доказал? А мама умерла. Ждала и не дождалась.

Я сидел на кухне у тети Нины и раскачивал табурет, на который плюхнулся с порога. Она что-то говорила, а я не слышал. Дерьмо, стучало в голове. Дерьмо.

– Поплачь, Митенька, – тихо говорила тетя Нина. – Поплачь, легче станет.

– Теть Нин, водка есть?

Водка была, но легче не стало. Мама была единственным человеком, который меня ждал. Ждал и не дождался. Сердце не выдержало. Больше у меня никого не было. И я ушел. В зону. Куда мне было еще идти? Не взламывать же

опечатанное за старой дверью детство? За тридцать детства уже не бывает…

– Угрюмый, ты чего?

Сквозь туман перед глазами возникло лицо Хлюпика. Он стоял надо мной и тряс меня за плечо. Рожа испуганная, словно я помер и оставил его здесь одного.

– Что ты?

Я резко поднялся. Вскинул «калаш» и включил второй фонарик, осветив туннель. Обшарпанные, плесневелые, покрытые ржавыми потеками стены уходили вперед, растворяясь в темноте.

– Ничего, – шепнул я еле слышно и добавил чуть громче. – Идем.

11

Шаги гулким эхом разносились по туннелю далеко в обе стороны. Хлюпик топал, как стадо слонов. Ну, может, не как стадо, но шуму от него было более чем достаточно. Хотя, надо отдать должное, после того, как под ногами стало сухо, а неведомый ручей куда-то рассосался, шуметь он стал все же меньше.

Впереди казавшаяся бесконечной кишка туннеля заканчивалась развилкой. Ничего хорошего в таких развилках нет. Особенно в зоне. Особенно под землей. Черт его маму знает, чего там за поворотом и с какой стороны оно кинется. Что-то неприятно ударило по ушам. Звук или даже предчувствие звука. Что-то знакомое и…

Я остановился, выкинув назад руку, жестом приказывая не двигаться. Позади успело прошлепать еще несколько шагов. Господи, он когда-нибудь научится останавливаться сразу? В каких облаках витает? Неужто так трудно смотреть перед собой и реагировать сразу, а не как бог на душу положит.

Теперь, когда никто не топал, стало, кажется, абсолютно тихо. Только капало где-то очень далеко и очень неторопливо. По капле сверху вниз. Нет, не тот это

был звук.

Я опустил руку и пошел дальше. Перед развилкой все же остановился и осторожно высунул нос в проем. Справа никого. Слева никого. Пустые коридоры. Но беспокойное чувство не оставляло.

ПДА включился сразу. Засветиться тут я не опасался, в здравом уме и твердой памяти просто так под землю никто не полезет. Боялся другого, что карты не найдется. Ее и не нашлось. Смутные огрызки. Если тут кто-то когда-то и бывал, то отсюда не вышел. А если и вышел, то схемой делиться не захотел.

– А Мунлайт не писал? – подал голос Хлюпик, отрывая от мыслей.

Я дернулся от неожиданности. Чуть не выронил наладонник.

– Черт тебя подери! Да хрен с ним, с Муном твоим. Пристрелили – значит сам виноват. Нет – может, когда увидитесь.

Хлюпик насупился и, обойдя меня по дуге, пошлепал вперед в правое ответвление. Идиот! Хотя у него-то все просто. Это я в раздумьях, куда идти, а он просто идет. Это не бесстрашие и не решительность. Это даже не дурь. Просто незнание и отсутствие опыта. Большая часть новичков так и гибнет…

Стоп!

То ли мне показалось, то ли на самом деле в паре метров от него пронеслась череда легких игривых искорок. А может, я просто понял наконец, что за звук мне послышался раньше.

– Стоять! – рявкнул я.

Вернее, хотел рявкнуть. Связки перехватило спазмом. Как в ночном кошмаре, когда надо крикнуть, предупредить, иначе случится непоправимое, а ты понимаешь, что говорить не можешь. Из глотки вместо рыка вырвался невразумительный сип. Но он услышал.

На этот раз Хлюпик среагировал сразу. Это и спасло ему жизнь.

– Стой, – прошептал я, потому что голос так и не вернулся.

В горле запершило, я закашлялся. Странное дело, но шепот подействовал лучше, чем крик. Парень замер, оглянулся в нерешительности.

Откашлявшись, я приблизился, взял его за плечо и оттащил в сторону. Болт мне был не нужен. И так уже знал, что этой стороной мы не пойдем. Но для демонстрации болта не жалко. Пусть поглядит, в другой раз умнее будет.

Вытянув из кармана средних размеров болтик, я подкинул его на ладони и легонько кинул вперед. Слова были не нужны. Лучше один раз увидеть, чем сто инструкций выслушать.

Болт описал дугу метров в пять-шесть длиной, шлепнулся на пол, прокатился чуть вперед и застыл без движения. Стоящий рядом Хлюпик секунду смотрел на него с ошалелым видом. Затем перевел на меня взгляд. Сказать ничего не успел, только собирался, но глаза у парня были, как у обиженного и обманутого ребенка. Какую-то долю секунды он смотрел на меня.

Заискрилось, треснуло. Хлюпик резко повернул голову, над болтом изогнулась маленькая электрическая дуга, как на контактах электрошока. Затрещало сильнее, а потом с диким грохотом пространство от стены до стены развалилось от искрящегося и переливающегося пучка молний. Молнии засверкали с треском, распадаясь и снова сплетаясь в пучок. Потом на мгновение пропали, но тут же застрекотали на шаг дальше и медленно понеслись вдаль по коридору.

Все, концерт окончен. Я повернулся к Хлюпику. На этот раз он стоял окончательно подавленный и размазанный тонким слоем чуть ниже плинтуса. Смотрел теперь только на меня, и глаза, казалось, сейчас выкатятся из орбит.

– Мы пойдем налево, – бодро, словно ничего не случилось, ответил я.

– Что это бы… Что? Он указал вперед.

– Электра, – объяснил я. – Шаровую молнию знаешь?

Хлюпик часто-часто закивал.

– Вот такая же, только не она. Не знаю, что опаснее, но если на электру нарвешься, мало не покажется. Идем.

Я осветил левый рукав туннеля фонариком и, убедившись, что ничего подозрительного рядом нет, побрел туда. Хлюпик осторожно шел за мной. Кажется, даже шагать стал тише. Ну да, так и есть. Раньше шел, как по Бродвею, а теперь ступает осторожно, взвешивает каждый шаг. Словно по минному полю. Это правильно. Лучше перебдеть, чем недобдеть, как говорил один неглупый, хоть и не существовавший в реальности мужик.

– Угрюмый, – тихонько позвали сзади. – Можно спросить?

Я кивнул.

– А что это на самом деле? Ну эта… электра… Это как?

Я пожал плечами.

– Просто. Аномалия. Обычно метров десять в диаметре. Здесь вот в длину разрослась. Ученые говорят, там статическое электричество накапливается и, если потревожить, взрывается молниями. Ну, ты видел. А подробнее не знаю. Да и не интересно мне знать, честно говоря, что меня убивает, с научной точки зрения. Зверю, попавшему в капкан, наплевать, из стали тот сделан или из титанового сплава. Ему это не важно. Тут то же самое. Мне выжить интересно. А разряд там такой, что живым редко кто уходит.

– Но бывает?

– Бывает, – согласился я, останавливаясь. Впереди легко искрилось. Рука потянулась в карман за новым болтом. Как-то под моим окном у костерка сталкеры байки травили. Так один рассказывал, как камешки кидал. Кидает, вроде все в порядке, последний кинул – ничего. Нет аномалии. Руку потянул камешки собрать, тут и жахнуло по полной. Аномалия все-таки была. Все камешки в пыль, только последний, который в руке был, целехонький. Камешек вроде как камешек, но с тех пор рассказчик его с собой таскает, так, на всякий случай. Правда это или треп, черт его разберет, но мне бы такой камешек на удачу не помешал.

– Бывает, что человек в высоковольтный щиток сунется, его тряханет, и все. Только труп его изувеченный и видели. А бывает, чудак полезет по пьяни в трансформаторную будку нужду малую справить, разряд получит, и ничего.

– Я читал про такое. – Голос Хлюпика прозвучал напряженно. – Они потом через стены видят и стаканы взглядом двигать могут.

Я посмотрел на него. Он застыл у меня за плечом. Напряженный, как перетянутая струна. Взгляд его метался с искорок в темноте на мою руку с болтом и обратно.

– Может, один какой уникум и стал после этого через стены видеть. Или крыша у него съехала, и ему казаться начало, что у него вместо глаз рентген-аппарат. Но тех, которые выжили, по пальцам перечесть. Ссать на оголенные провода в трансформаторной будке, так же как и за оголенные концы высоковольтной линии хвататься, опасно для здоровья. И обычно от этого умирают. Так же и здесь. Кому-то немерено повезло, а остальные умерли.

Кому-то ведь и в самом деле везет. Вот как тому дурню с камешком. Если не соврал, то невероятно повезло. И сам жив, и рука на месте. Еще и камешек на удачу чудесный.

Болтик пролетел над искрящимся пространством и звонко застучал по полу. Я подождал малость, потом смело подошел и протянул руку. Полупрозрачное аморфное образование слегка искрилось в темноте. Я скинул рюкзак, расстегнул его другой рукой и достал контейнер.

Хлюпик наблюдал за мной с выпученными, как у рака, глазами.

– Это из нее электра получается?

Щелкнули запоры, я уложил артефакт в ячейку и закрыл.

– Почти. Только наоборот. Это «бенгальский огонь». Артефактик. Возникает в местах активности электры. Тут тоже электра была, вот он и получился.

– Как?

Контейнер вернулся в рюкзак, рюкзак – на плечо. Я пожал плечами:

– Не знаю. Я не ученый. Хотя они тоже гипотезы строят только. На словах очень красиво рассказывают, какая аномалия как устроена, да чего должно происходить, чтобы артефакт получился. Но даже на семьдесят процентов в своих словах не уверены. Они предполагают.

– А… – снова начал он, но я не стал слушать. Жестом попросив Хлюпика заткнуться, повернулся к нему спиной и неторопливо пошел дальше. Торопиться некуда. Да и нельзя. Вот только говорить всю дорогу меня совсем не тянет. И без того за последние сутки языком молочу больше, чем за последние три месяца.

Хлюпик молча топал следом. У него уже выходило не очень шуметь и идти если не след в след, то хотя бы приблизительно так же.

12

Коридоры, туннели и переходы сменяли друг друга, а выхода не было. Собственно, и опасности особой не было. Я притормаживал и собирался перед каждым новым проемом или поворотом. Но опасности не чувствовал. Только напряжение за спиной.

То, что Хлюпик стал относиться с опаской к окружающему, меня радовало. А вот отсутствие активности со стороны зоны напрягало. С того момента, как мой попутчик чуть не влетел в электру, прошло уже несколько часов. Мы наматывали километры коридоров, туннелей, переходов и прочих странных подземных помещений. Под ногами хлюпала вода, по стенам змеились провода. Иногда появлялись искусственные источники освещения. Причем неведомым образом подземные светильники, горящие здесь со времен заката СССР, работали и теперь. Но ни аномалий, ни артефактов, ни мутантов не было.

Полная тотальная тишина со стороны зоны. Словно я не сталкер, а простой диггер. И нахожусь не в зоне, а в какой-нибудь хоженой-перехоженой московской подземке. Еще пара коридорчиков, и вылезу где-нибудь в депо московского метрополитена имени Владимира Ильича, мавзолей ему пухом.

Ситуация напрягала с каждым шагом все больше и больше. По мне, так в зоне самая крепкая неприятность лучше такого спокойствия. С любой проблемой можно разобраться, потому что она понятна, ожидаема, предсказуема. Ясен как возможный положительный, так и отрицательный исход дела. А с затишьем непонятно ничего.

Тишина и покой заставляют расслабиться. Расслабляться нельзя, потому что может что-то случиться. Но ничего не происходит. И ты ждешь, а по-прежнему ничего не происходит. И это напрягает еще больше, потому что так не бывает. И ты начинаешь ждать еще большей проблемы. Потому что чем спокойнее затишье, тем крупнее неприятности. И опять ничего не происходит. Наконец накал доходит до того, что ты понимаешь: адекватная затишью неприятность тебя просто похоронит.

Я глубоко вздохнул. Раз, два, три.

Спокойно. Пока ничего не произошло.

Или произошло? А может, мы попали в какую-нибудь аномалию – ходим по кругу и будем теперь вечно делать это. Всегда. Начинать в исходной точке, проходить ряд подземных сообщений и возвращаться в исходную точку, чтобы снова пройти тем же путем. А что, здесь все похоже. Никакой оригинальности интерьера.

Я сунул руку в карман и незаметно обронил болтик. Хлюпику про мои невеселые размышления знать пока не надо. А болтик, если мы действительно попали в пространственную петлю, я увижу. Мимо не пройду. Интересно, бывают временные петли? Я что-то слышал про это. Какие-то сталкерские байки. Но сам не сталкивался с подобным никогда. Так что, вполне возможно, все это сказки.

А три часа простой пешей прогулки под землей в зоне без эксцессов – это не сказка? Хотел бы я знать, что здесь на самом деле происходит. А может, реально мы уже трупы. Лежим где-нибудь там, где разорвалась электра. А все, что происходит, – это бред, предсмертная вспышка сознания.

Бред, мысленно отругал себя я. Слушать чужие сказки не зазорно, но самому-то зачем фольклором заниматься и мифы плодить? Хватит бредить, Угрюмый.

Под ногой хрустнуло. Я вздрогнул. Неужели болт. Замерев на месте, я посветил себе фонариком. Пятно света метнулось под ноги. На полу валялась россыпь мелких камешков. Никакого болта. Да и быть его тут не могло.

Параноик чертов.

Только сейчас понял, что стою на месте. Причем с перепугу не только сам остановился, но и Хлюпика остановил. Я повернулся. Он стоял рядом притихший и послушный, как божий агнец.

– Случилось что-то? – аккуратно поинтересовался мой спутник.

Случилось. Ослабил лямку. Ремень легко скользнул с плеча. Рюкзак шлепнулся на пол.

– Привал, – скомандовал все еще ожидающему ответа Хлюпику.

Расстегнув рюкзак, я углубился в его недра. Хлюпик присел рядом. С любопытством наблюдал за мной. Ждал, видимо, еще чего-то необычного, вроде подбирания артефактов или кидания болтов по аномалии. Но на этот раз, к его разочарованию, все оказалось банально.

Я вынул две банки тушенки, поставил на пол и принялся застегивать рюкзак. Внутри осталось еще две. И то удача. Могло ни одной не быть, ведь таскать на себе консервы до кордона – это лишний вес по зоне волохать. Тут недалеко. С голодухи не помрешь. Никто ж не знал, что вместо того, чтобы вытащить отсюда Хлюпика и вернуться, мы влипнем в такую передрягу. Был бы на моем месте кто другой, сидели бы сейчас голодные. У меня же привычка. Я лишнего веса не боюсь, а патроны, консервы и аптечка лишними не бывают. Никогда. Мало ли что.

Хлюпик на удивление молча смотрел, как вскрываю банку ножом. Первую протянул ему. Когда его пальцы уцепились за жестяной бок банки, в глазах появился алчный блеск, достойный неандертальца. На этот раз он слопал все подчистую и даже управился быстрее меня. Куда девался тот интеллигент, что еще утром вяло ковырял точно такую же тушенку и делал вид, что она ему не по нутру. Голод не тетка. А аппетит здесь быстро нагуливается.

Выскоблив остатки тушенки, я привалился спиной к стене, запрокинул голову и сомкнул веки. Желудок сыто заурчал, переваривая тушенку.

– Все. Тихий час пятнадцать минут.

– Так час, пятнадцать минут или час пятнадцать? – к Хлюпику возвращалась его разговорчивость.

Я приоткрыл один глаз, посмотрел на него недовольно.

– Хлюпик, не пытайся казаться глупее, чем есть. Толкни через четверть часа.

Подремать, хоть и пятнадцать минут, будет очень кстати. Глаза закрылись мгновенно.

– Угрюмый, а, Угрюмый, а мы где сейчас?

– В канализации, – отозвался я, не разлепляя смеженных ресниц.

– Это я понял, а… – Он замялся, когда продолжил, голос его вибрировал от напряжения. – А если мы отсюда никогда не выберемся? Мы все идем, идем. А выходит, как на месте топчемся. Если выхода нет?

Последнюю фразу я слышал уже сквозь сон. Ответ шевельнулся на краю сознания, но я не стал его озвучивать, предпочел уйти в сон. Через секунду я отключился…

– …Мы с вами на месте топчемся. – Адвокат был молодой. Очень молодой.

Что он видел в жизни? Чего хотел от нее? Что умел? Вчерашний студент какого-нибудь юридического факультета, которых тьма развелась. Бывает такое. Появляется какая-то модная профессия, и все начинают в нее ломиться. Считается, что на нее есть спрос, и у ее представителей всегда будут деньги.

По этим профессиям можно судить о состоянии общества. Когда возникает мода на психологов, народу явно нужно выплакаться. Когда на врачей, нация на грани вымирания. А когда на адвокатов… Тут два варианта. Либо судебная система завернула гайки, либо народ проворовался. Суд у нас гайки никогда не закручивал и всегда готов был позволить себя умаслить. Выходит, тенденция паршивая.

– Может быть, состояние аффекта? – предложил молодой юрист.

– Какой аффект?

– Вы же из Чечни только вернулись. Психика расшатана и так далее…

– Вот именно, из Чечни вернулся. Это кое-чему учит. Например, спокойствию. Я спокоен, как удав. Особенно когда хребет ломаю.

Тут я немного лукавил. Чечня действительно научила кое-чему. Например, я так и не смог избавиться от привычки стрелять глазами по крышам и окнам. Но аффекта не было, тут я не врал. Было два ублюдка, которые хотели моих денег. Тому, что стоял у меня за спиной повезло больше. А вот тот, что зашел спереди, имел неосторожность распустить руки. Аффект! Рефлексы там были, а не аффект. Вот на этих рефлексах неудавшийся гопстопник и поломался. В прямом смысле. Я не хотел ломать дураку жизнь и делать его паралитиком. Так получилось. Просто сломал немного не в том месте.

– Дмитрий, я не понимаю. – Юный адвокат снял изящные очечки и запыхтел на стекла. – Вы сесть хотите?

Я покачал головой. Юрист принялся нервно полировать стекла замшевой тряпочкой.

Нет, я не хотел сесть. Но юлить и говорить неправду я тоже не хотел. Выкручиваться было противно. Я был прав. Я защищался. На меня напали, меня хотели ограбить, меня били… точнее, пытались побить. Ударили. Но я только защищался. Конечно, если защищаться неправильно, то я виноват. Но, по моему мнению, сажать надо было его, а не меня. Хоть даже и в инвалидном кресле.

Народа в зале суда почти совсем не было. Все было не так, как показывают в кино. Судья в мантии с небрежно расстегнутым воротом и скучным видом, защита, обвинение, еще мама сидела в дальнем углу.

Все выглядело смешно и нелепо. Я ответил на глупые вопросы, как мне казалось, ответил нормально, по-человечески. Но по-человечески и по-юридически, как оказалось, не одно и то же. В этом мой вздыхающий юный адвокат оказался прав.

Признаю я, что такого-то числа при таких-то обстоятельствах нанес телесные повреждения такому-то гражданину? Естественно, я это признаю. Как можно отрицать очевидное?

Считаю ли я себя виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей? Нет, не считаю.

Раскаиваетесь? Поступили бы в подобной ситуации иначе? Нет, поступил бы так же. Считаю, что поступил правильно. Считаю, что был прав на сто процентов…

Вместо сто четырнадцатой статьи я получил сто одиннадцатую. А по ней шесть лет лишения свободы. Почему так? У поломанного мной мальчика оказался правильный папа. А у меня обнаружились дурацкие принципы и не очень опытный адвокат.

Огласили приговор. Стукнул молоточек судьи. Заплакала мама. Тихо, молча заплакала. Никто не видел, как она плачет в дальнем углу. А я видел. И это был последний раз, когда я видел маму.

А потом была камера. Была зона. Были шесть лет. Поначалу мне тоже казалось, что выхода оттуда нет. Но нет, выход обнаружился. Вот только идти потом было некуда. Искать выход, когда знаешь, что есть что-то помимо лабиринта, – это счастье. А вот когда понимаешь, что за этим выходом точно такой же лабиринт, тогда все. Пиши пропало. Куда идти? Зачем идти? И вообще, зачем что-то делать?

– Угрюмый, – позвал Хлюпик. После того, как он меня растолкал, мы шли уже больше двух часов. И безумие продолжалось. Тотальная тишина. Как будто мы на самом деле уже не в зоне. А может, мы вправду забрели за периметр?

Я прикинул расстояние, смену направлений… Нет, не похоже. Скорее круги наматываем. Но хоть не по одному и тому же маршруту. В этом я был теперь уверен. Темный узкий коридор плавно перетек в широкий туннель, похожий на бетонную трубу огромного диаметра. Дорожка, правда, сузилась вдвое. По левой стороне ее отгораживал теперь парапет, а за ним по бетонному руслу текла не то подземная река, не то сливаемые невесть кем отходы.

Водичка выглядела вполне обыденной, хоть и мутной. Но я не рискнул бы даже палец в нее сунуть. Хоть бы мне за это и хорошо заплатили. В зоне куда-то лезть себе дороже.

– Чего надо? – не шибко вежливо отозвался я.

– А почему ты Угрюмый? Я приостановился даже.

– «Ромео, о, зачем же ты Ромео?» [3 - В. Шекспир «Ромео и Джульетта», пер. с англ. Т.Н. Щепкиной-Куперник.] Ты же говорил, что тебе это и так понятно, – припомнил я ночной разговор.

– Не, почему кличка такая, понятно, – усмехнулся он. – Достаточно на тебя посмотреть. Я же не про кличку. Я – о другом. Зачем так?

Вот оно что. Я ускорил шаг. Товарищ Хлюпик решил из себя доктора изобразить.

– Поживешь с мое, узнаешь, – буркнул, не оглядываясь.

– Да, ладно. Ты немногим меня старше. Тут ведь не в этом дело. Просто обиженный ты.

Поэтому у меня и нет друзей. Не терплю, когда мне лезут в душу.

Резко остановившись, я обернулся и смерил его убийственным взглядом. На сей раз он успел притормозить вовремя. Дать бы ему по лбу. Кулак, словно угадав мысль, взлетел кверху. Во взгляде Хлюпика появилась насмешка.

– Ну, ударь меня, если хочешь.

Он смотрел на меня с превосходством, словно только что узнал обо мне какую-то правду, которой я и сам, может быть, не знаю. И я вдруг понял, что бить его без толку. Даже если я его изувечу до полусмерти, на его роже будет все та же понимающая насмешка. Правда, стукнуть его от этого захотелось еще больше.

– Ты все равно меня не ударишь, Угрюмый, – поведал он.

Руки зачесались еще сильнее. Специально, что ли, он меня подзуживает? Или по глупости?

– С чего ты взял?

– С того. Ты ведь хороший мужик.

Я зло сплюнул, развернулся и быстро зашагал вперед. К черту откровения, метнулось в голове. Но мелькнуло поздно. Воистину язык мой – враг мой.

– Я, между прочим, сидел шесть лет за то, что одного такого, как ты, покалечил.

Странное дело, этот парень на меня уже второй день действует как словесное слабительное. В том плане, что у меня в его присутствии словесный понос.

– Это не важно, – отмахнулся он. – Ты скажи лучше, как тебя зовут.

Не важно ему. Шесть лет за забором – не важно. Хлюпик – одно слово.

– Это важно. А зовут меня Угрюмый. Понятно? – Последнюю фразу я произнес с таким нажимом, что позади закашлялись.

– Нет, ты не так понял. Просто… Ну, я не знаю, я ведь на самом деле не знаю, чего у тебя в жизни стряслось. Но ведь нельзя же таким угрюмым жить. Что бы ни случилось, жизнь-то продолжается.

Он поравнялся со мной и пошел рядом.

– У тебя в жизни ничего не происходило еще серьезного, – сказал я ему. – Я тоже когда-то дурным оптимизмом страдал.

– Почему не происходило? – нахмурился он.

– Ну, что у тебя там могло произойти? В лифте застрял. С девкой поругался. Велосипед отняли или в четвертом классе во вкладыши продулся. Иногда случается такое, что жить некуда дальше.

– Так не бывает.

– Ты что, психолог? – не выдержал я.

– Нет. Но всегда есть какая-то цель в жизни. Даже если все совсем плохо.

Я снова остановился и посмотрел на него внимательно.

– У тебя есть цель?

– Есть, – не задумываясь, ответил он.

А у меня нет, – жестко отрубил я. – Понимаешь? Моя жизнь – бесцельное существование. Нет цели. И не предвидится. Поэтому зовут меня – Угрюмый. Потому что я угрюмый.

– Зря. Ты ведь это сам себе придумал зачем-то. И поверил в собственную придумку.

– Идите в жопу, доктор Фрейд.

– И пытаешься отстоять свою придумку. Защитить свое жалкое бесцельное существование. А все потому, что тебе дальше жить страшно. Я заметил. И зона у тебя дерьмо, и люди, и себя ты дерьмом называешь. Не считаешь, а называешь. Ты зону считаешь дерьмом, но если тебя выпустить за пределы зоны, то ничего не изменится. Просто весь мир дерьмом станет.

Я пихнул его плечом и двинулся дальше вдоль желоба с мутной водой. Мы с ней похожи. Оба несемся неизвестно куда и у обоих внутри муть и слякоть.

– А это не так, – донеслось сзади. – Я же вижу, что ты человек неплохой. Просто тебе хорошим быть неудобно.

Он догнал меня через дюжину шагов. Голос его был слегка запыхавшимся, словно дыхание сбилось.

– Проще в дерьме, по принципу: с волками жить, по-волчьи выть. Я ведь прав? Только дерьмо – это не вектор. Это направление жизненного вектора. Хочешь, чтобы жизнь не была дерьмом и люди не были дерьмом, измени угол зрения. Все от тебя зависит.

– Заткнись лучше, – сообщил я. – Мы не на вечере встречи, а в зоне. Так что молчи и не сбивай меня. А то на самом деле стукну.

Я снова отпихнул его и пошел четко по середине коридора, чтобы лишить его возможности идти рядом со мной. Но как освоился, зараза! То простите-извините, а то в душу гадить полез. Не иначе, за своего признал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Лунный свет и водка» (англ.).

2

«Тень лунного света» (англ.).

3

В. Шекспир «Ромео и Джульетта», пер. с англ. Т.Н. Щепкиной-Куперник.

Купить: https://tellnovel.com/gravickiy_aleksey/v-zone-tumana

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити